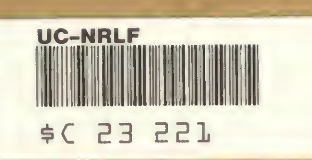
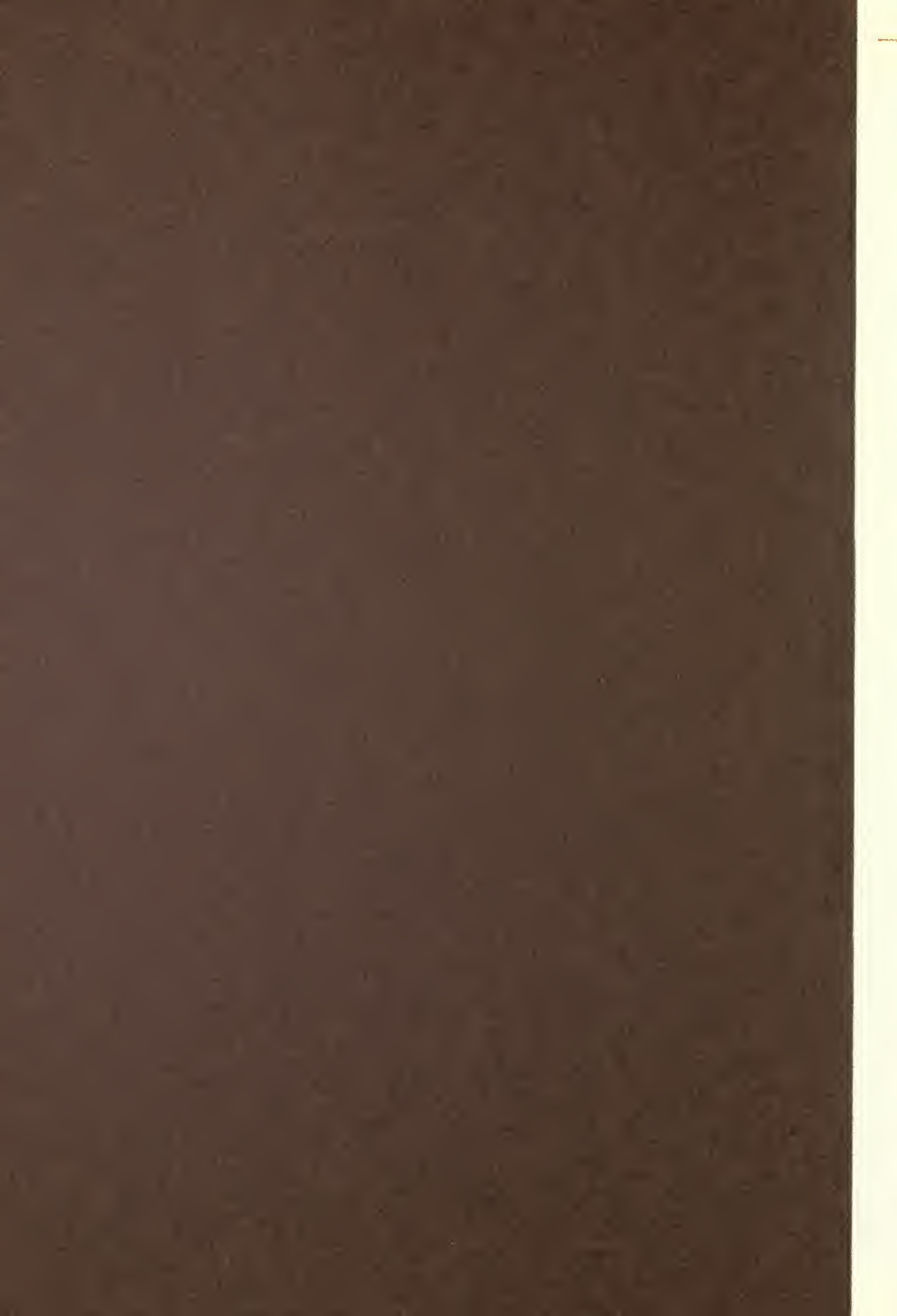

UC-NRLF
$C 23 221

ОТЧЕТЪ

о

ТРЕТЬЕМЪ ПРИСУЖДЕНІИ МЕДАЛЕЙ

ИМЕНИ

ГРАФА АЛЕКСѢЯ СЕРГѢЕВИЧА УВАРОВА

къ празднованію 50-лѣтняго юбилея Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.
1915.

ОТЧЕТЪ

о

третьемъ присужденіи медалей имени графа Алексѣя Сергѣевича Уварова

въ день празднованія 50-лѣтняго юбилея Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества

27-го марта 1915 года.

Въ засѣданіяхъ Хозяйственно-Редакціоннаго Комитета Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 29 дек. 1913 г. и 4 мая 1914 г. было постановлено, и впослѣдствіи одобрено Общимъ Собраніемъ Общества, въ виду празднованія Обществомъ 50-лѣтняго юбилея, измѣнить на этотъ разъ правила о выдачѣ одной медали за лучшую работу по археологіи, вышедшую за послѣдніе три года, и вмѣсто одной медали присудить ихъ шесть, вообще за заслуги и лучшіе труды по археологіи, не ограничивая появленіе трудовъ трехлѣтнимъ срокомъ.

Тогда же намѣчены заслуги предъ русской наукой: Михаила Васильевича Никольскаго, Алексѣя Васильевича Орѣшникова, Бориса Александровича Тураева, Бориса Владиміровича Фармаковскаго, Михаила Ивановича Ростовцева и Владиміра Васильевича Суслова.

Рецензіи о трудахъ названныхъ ученыхъ приняли на себя: Б. А. Тураевъ — о М. В. Никольскомъ; В. К. Трутовскій — объ А. В. Орѣшниковѣ: М. М. Хвостовъ — о Б. А. Тураевѣ; Э. Р. Штернъ — о Б. В. Фармаковскомъ; И. Н. Бороздинъ — о М. И. Ростовцевѣ и И. П. Машковъ — о В. В. Сусловѣ.

Неожиданно разразившіяся военныя дѣйствія помѣшали Э. Р. Штерну, находящемуся за границей, во-время представить обѣщанную рецензію о трудахъ Б. В. Фармаковскаго, что заставило Предсѣдателя Общества обратиться съ просьбою о составленіи рецензіи къ С. А. Жебелеву, любезно откликнувшемуся на просьбу Предсѣдателя. Однако-жъ въ то время, когда приступлено было къ печати, Э. Р. Штернъ доставилъ Предсѣдателю обѣщанную рецензію, что и заставило Общество издать о трудахъ Б. В. Фармаковскаго два отзыва.

I.

Ученыя заслуги Михаила Васильевича Никольскаго.

Михаилъ Васильевичъ Никольскій, извѣстный ассиріологъ, принадлежитъ къ числу рѣдкихъ и немногочисленныхъ въ Россіи спеціалистовъ по семитологіи и исторіи классическаго Востока. Его профессорская дѣятельность въ Московской Духовной Академіи и Имп. Московскомъ Университетѣ была непродолжительна, и большую часть своей жизни онъ былъ «частнымъ ученымъ», неся всѣ неблагопріятныя послѣдствія этого необычнаго въ нашемъ отечествѣ положенія. Тѣмъ не менѣе, работая при самыхъ невыгодныхъ научныхъ и матеріальныхъ условіяхъ, Михаилъ Васильевичъ оказалъ предъ наукой весьма крупныя заслуги, а его мѣсто въ исторіи русской культуры съ достаточной рельефностью обозначается тѣмъ, что онъ является первымъ русскимъ ассиріологомъ.

Весьма плодотворна была дѣятельность Михаила Васильевича при Имп. Московскомъ Археологическомъ Обществѣ. По его почину въ 1887 г. при немъ открыта Восточная Комиссія. Онъ составилъ записку о необходимости ея образованія, онъ же былъ ея первымъ секретаремъ и редакторомъ трудовъ. Такимъ образомъ, благодаря его энергіи, въ Россіи возникло второе (послѣ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археологическаго Общества) Ученое Общество, поставившее задачей изученіе Востока и имѣвшее свой періодическій органъ. Девять лѣтъ былъ Михаилъ Васильевичъ секретаремъ и главнымъ дѣятелемъ Восточной Комиссіи, которая сразу зажила полной жизнью, объединивъ въ себѣ московскихъ оріенталистовъ. Не разъ засѣданія Комиссіи давали самому М. В. случай постоянно подчеркивать свою завѣтную мысль о важности изученія у насъ древняго Востока, о необходимости устройства музеевъ и собраній памятниковъ, русскихъ археологическихъ экспедицій, раскопокъ, пріобрѣтеній древностей. Конечно, добиться полнаго успѣха въ этомъ направленіи 25 лѣтъ тому назадъ было невозможно, но частичнаго осуществленія одного изъ этихъ плановъ все-таки удалось достигнуть—я имѣю въ виду отправленную въ 1893 году въ русскую Арменію экспедицію М. В. Никольскаго и А. А. Ивановскаго для изученія находящихся въ Россіи памятниковъ Ванскаго царства. Результаты экспедиціи

опубликованы въ двухъ томахъ «Матеріаловъ по Археологіи Кавказа» (V—VI); въ первомъ изъ нихъ изданъ corpus Ванскихъ надписей, найденныхъ въ Россіи, по новымъ сличеніямъ въ факсимилэ, въ связи съ описаніемъ другихъ вещественныхъ памятниковъ Закавказья. За этотъ трудъ Имп. Русское Археологическое Общество въ Петроградѣ присудило Михаилу Васильевичу золотую медаль. Въ связи съ этой экспедиціей находятся двѣ статьи Михаила Васильевича: «Древняя страна Урарту» (журналъ «Землевѣдѣніе» 1895) и «Слѣды ассиро-вавилонской культуры на Кавказѣ» (Сборникъ въ пользу пострадавшихъ Армянъ). Здѣсь изложены наблюденія надъ топографіей Ванскаго царства и путями его распространенія въ предѣлахъ Россіи. Къ исторіи Ванскаго царства Михаилъ Васильевичъ обращался и до своей экспедиціи, и послѣ нея. Онъ постоянно слѣдилъ за археологическими находками и эпиграфическими новинками въ этой области, помѣщая въ «Древностяхъ Восточныхъ» и въ издававшемся одно время въ Москвѣ журналѣ «Археологическія Извѣстія и Замѣтки» статьи о вновь находимыхъ надписяхъ. Въ послѣднемъ выпускѣ перваго тома «Древностей Восточныхъ» онъ далъ первый опытъ собранія надписей, найденныхъ въ Россіи. Здѣсь цѣнны не столько переводы, которые впослѣдствіи были Михаиломъ Васильевичемъ исправлены по новымъ сличеніямъ и сообразно дальнѣйшимъ успѣхамъ науки, сколько историческое введеніе и реальный комментарій, гдѣ Ванское царство впервые было вставлено въ рамки всемірной исторіи и впервые опредѣлена его историческая роль. Изъ послѣдующихъ трудовъ Михаила Васильевича, посвященныхъ этой отрасли клиновѣдѣнія, отмѣтимъ статьи, посвященныя надписи, найденной въ Армавирѣ («Извѣстія Имп. Археологической Коммиссіи» 1909), и надписи, происходящей изъ Меласгерда (Зап. Классич. Отд. И. Р. Археол. Общ. VI).

Такимъ образомъ Михаилъ Васильевичъ исполнилъ долгъ, лежавшій на немъ, какъ на русскомъ ассиріологѣ, сказать свое слово объ одной изъ русскихъ провинцій въ эпоху господства въ ней народа съ культурой, близкой къ ассирійской. Но эта трудная задача не отвлекла его отъ главной отрасли клиновѣдѣнія. Цѣлый рядъ статей, украшающихъ страницы «Древностей Восточныхъ», говоритъ о его неослабномъ интересѣ къ вавилонской клинописи и ассиро-вавилонской исторіи. При отсутствіи въ тѣ времена въ Москвѣ музеевъ съ собраніями клинописныхъ памятниковъ, приходилось довольствоваться случайнымъ матеріаломъ. Такъ, Михаилъ Васильевичъ описалъ предметы, пріобрѣтенные князьями Путятинымъ и Гагаринымъ, доказалъ неподлинность якобы ассирійскихъ вещей въ коллекціи Роппова, занялся изученіемъ коллекціи Блау. Это большое собраніе первоклассныхъ вавилонскихъ древностей, составленное по порученію драгомана русскаго консульства въ Багдадѣ, было прислано 1880 г. для опредѣленія въ Москву.

Фактъ этотъ наилучшимъ образомъ доказалъ и необходимость существованія въ Москвѣ ученаго Общества востоковѣдѣнія, и высокій авторитетъ Михаила Васильевича. Если бы коллекція Блау была пріобрѣтена, Россія обогатилась бы весьма цѣннымъ собраніемъ. Къ сожалѣнію, это не состоялось — нѣкоторые археологи опорочили по чисто апріорнымъ соображеніямъ собраніе, которое только въ лицѣ Михаила Васильевича нашло настоящаго цѣнителя. Двумъ изъ ея предметовъ онъ далъ опредѣленіе болѣе вѣрное, чѣмъ въ Парижѣ Ménant, получившій съ нихъ фотографіи. Дѣло идетъ о двухъ пластинкахъ съ іероглифическими изображеніями. Подобныхъ вещей изъ Вавилона въ Европу еще не поступало, и Ménant объявилъ ихъ фальшивыми. Михаилъ Васильевичъ выставилъ серьезные доводы въ пользу ихъ подлинности и предупреждалъ противъ поспѣшности отрицательнаго отношенія къ нимъ. Онъ высказалъ и убѣдительно обосновалъ мнѣніе, что іероглифическія изображенія представляютъ древнѣйшую стадію вавилонскаго письма, впослѣдствіи выродившагося, благодаря матеріалу, въ линейное и клинописное. Въ настоящее время, когда эти безвозвратно ушедшіе изъ Россіи въ Америку памятники уже не являются единственными въ своемъ родѣ, никто не сомнѣвается въ справедливости заключенія, впервые высказаннаго русскимъ ученымъ.

Коллекція Блау дала Михаилу Васильевичу также матеріалъ для трехъ статей по вавилонской эпиграфикѣ и археологіи и напечатанныхъ въ «Древностяхъ Восточныхъ»:

1. Халдейскій вѣсъ эпохи Гудеа.

2. Вавилонскій контрактъ о продажѣ дома.

3. По вопросу объ изображеніи женскаго божества на вавилонскихъ цилиндрахъ и статуэткахъ.

Эти статьи были первыми работами по ассиріологіи, написанными на русскомъ языкѣ и напечатанными въ Россіи. Слѣдуетъ замѣтить, что для печатанія своихъ ассиріологическихъ трудовъ Михаилъ Васильевичъ озаботился отливкой клинообразнаго шрифта, вслѣдствіе чего въ Москвѣ имѣется единственный во всей Россіи этотъ шрифтъ, болѣе изящный, чѣмъ употребляемый въ Европѣ, и притомъ не только ассирійскій, но и ванскій. Послѣдній старается передавать палеографическія особенности и является, насколько мнѣ извѣстно, вообще единственнымъ.

Съ 1900—1908 гг. Михаилъ Васильевичъ жилъ по обязанностямъ службы въ Петроградѣ и здѣсь наконецъ получилъ для своихъ занятій богатѣйшій клинописный матеріалъ въ коллекціи Н. П. Лихачева, заключающій въ себѣ множество документовъ всѣхъ эпохъ культурной жизни и среднеазіатскаго Двурѣчья, особенно же ея древнѣйшихъ эпохъ. Михаилъ Васильевичъ прежде всего остановился на 327 табличкахъ IV тысяче-

лѣтія до Р. Х., происходящихъ изъ хозяйственныхъ придворныхъ архивовъ временъ царя Ширпурлы Урукагины и патеси этого города Лугальанды и Энлитарзи. Это — документы хозяйственныхъ отношеній. Большая часть ихъ касается земледѣлія и скотоводства; особый интересъ представляютъ документы, содержащіе отчеты о рабочихъ, о содержаніи храмовъ, документы, касающіеся рыболовства и торговли. Михаилъ Васильевичъ съ необычайной тщательностью исполнилъ трудную работу разбора и транскрипціи текста табличекъ, нерѣдко поврежденныхъ и нуждавшихся въ примѣненіи техническихъ пріемовъ реставраціи и чистки. Изданіе требовало автографическаго воспроизведенія всѣхъ табличекъ, начертанныхъ труднымъ архаическимъ письмомъ. Михаилъ Васильевичъ собственноручно воспроизвелъ всѣ документы съ точной ихъ передачей до величины каждаго знака включительно. Вся коллекція распредѣлена по рубрикамъ и подробно описана; многіе документы даются въ полномъ переводѣ; изданіе предварено общимъ историческимъ введеніемъ и снабжено подробными указателями. Трудъ этотъ, составившій большой томъ въ «Древностяхъ Восточныхъ», появился одновременно съ аналогичными на Западѣ (напр. Тюро-Данжена, Женуйяка и др.), описывающими подобныя же коллекціи; онъ съ честью поддерживаетъ репутацію русской науки и, можно сказать, явилъ ученому міру русское клиновѣдѣніе. Въ настоящее время ни одинъ изъ западно-европейскихъ и американскихъ трудовъ, посвященныхъ древнѣйшей Вавилоніи, не обходится безъ ссылокъ на «Документы хозяйственной отчетности древней Халдеи» М. В. Никольскаго. Для нѣкоторыхъ онъ даже послужилъ моделью. Въ ближайшемъ будущемъ наука получитъ новый въ высокой степени важный вкладъ нашего неутомимаго ассиріолога — подобный же большой капитальный трудъ, посвященный клинописнымъ документамъ Лихачевской коллекціи, происходящимъ главнымъ образомъ изъ той же Ширпурлы, но относящимся уже къ нѣсколько болѣе позднему времени — къ эпохѣ царей Ура, т.-е. къ половинѣ III тысячелѣтія до Р. Х. Трудъ этотъ, также имѣющій украсить «Древности Восточныя», уже въ значительной своей части напечатанъ.

Будучи отцомъ русской ассиріологіи и авторомъ капитальныхъ трудовъ въ этой отрасли науки, Михаилъ Васильевичъ потрудился и въ другихъ областяхъ семитологіи. Укажемъ на помѣщенныя имъ въ «Древностяхъ Восточныхъ» образцовое описаніе московскихъ сирійскихъ рукописей Евангелія и изданіе пальмирскихъ надписей и рельефовъ, поступившихъ въ Тифлисскій Музей, а также на помѣщенную въ сборникѣ *Χαριστήρια* въ честь Ѳ. Е. Корша замѣтку, въ которой Михаилъ Васильевичъ остроумно объясняетъ слова Воазъ и Іахинъ и реконструируетъ изъ нихъ начертанную на Соломоновомъ храмѣ финикійскую надпись. Статья эта переведена на нѣ-

мецкій языкъ (въ «Zeitschrift f. wissenschaftliche Theologie» XLVIII), что было полной неожиданностью для ея автора, писавшаго всегда свои работы исключительно на родномъ языкѣ.

Нашъ очеркъ былъ бы неполонъ, если бы мы не упомянули, что Михаилъ Васильевичъ работалъ не только для тѣснаго круга ученыхъ специалистовъ. Пробужденіе въ нашемъ обществѣ интереса къ классическому Востоку было одной изъ его завѣтныхъ задачъ и широкій кругъ образованныхъ читателей — предметомъ его заботъ. Мы увѣрены, что тотъ глубокій интересъ и даже увлеченіе Востокомъ, замѣчаемыя съ наше время, въ значительной степени являются плодомъ дѣятельности Михаила Васильевича. Изъ числа статей, написанныхъ имъ для широкой публики, назовемъ помѣщенные въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Очерки Халдейской культуры» (1879) и монографію «Саргонъ, царь ассирійскій» (1881). Сюда же примыкаютъ: а) напечатанная въ 1882 г. въ журналѣ «Заграничный Вѣстникъ» рецензія на извѣстную книгу Делича «Wo lag das Paradies»; б) рефератъ въ Восточной Коммиссіи объ успѣхахъ и открытіяхъ нѣмецкаго Восточнаго Комитета; в) упомянутыя нами статьи о древней странѣ Урарту и, наконецъ, первая попытка дать на русскомъ языкѣ ассирійскій силлабаръ и хрестоматію съ переводомъ и объясненіемъ гимна въ честь бога огня. Послѣдній трудъ былъ вызванъ педагогическими потребностями того времени, когда Михаилъ Васильевичъ велъ курсъ семитовѣдѣнія и ассиріологіи при Имп. Московскомъ Университетѣ. Несмотря на непродолжительность, и эта сторона дѣятельности его была плодотворна; въ числѣ учениковъ Михаила Васильевича были С. Слуцкій и Соловейчикъ, впослѣдствіи составившіе себѣ почетное имя въ наукѣ.

Закончимъ нашу записку упоминаніемъ, что выдающіяся научныя заслуги М. В. Никольскаго нашли себѣ признаніе со стороны Имп. Петроградскаго Университета, который въ засѣданіи Совѣта 15 ноября 1908 г. присудилъ ему ученую степень доктора всеобщей исторіи honoris causa.

Б. Тураевъ.

II.

Ученыя заслуги Б. А. Тураева.

Ученые труды Б. А. Тураева можно разбить на нѣсколько группъ.

На первый планъ слѣдуетъ выдвинуть его работы по изданію египетскихъ памятниковъ [1]).

---

[1]) Египтологія на XI Международномъ Конгрессѣ оріенталистовъ въ Парижѣ — Ж. М. Н. П. ч. 315. 1898, Февр. — Египтологія на XII Международномъ Конгрессѣ оріенталистовъ въ Римѣ — ib., ч. 328, 1900, Апр.

Б. А. Тураевъ неоднократно выступалъ какъ издатель и комментаторъ древне-египетскихъ письменныхъ памятниковъ. Рядъ памятниковъ, изданныхъ имъ, представляетъ цѣнный матеріалъ особенно для исторіи египетской религіи. Часть этихъ памятниковъ связана съ его цѣнной работой о богѣ Тотѣ[2]). Другія публикаціи имѣютъ самостоятельное значеніе. Особенно важно то обстоятельство, что Б. А. Тураевъ систематически публикуетъ египетскіе тексты и вещественные памятники, хранящіеся въ Русскихъ собраніяхъ. Правда, памятники наиболѣе богатаго русскаго собранія — Императорскаго Эрмитажа — были опубликованы хранителемъ этого собранія извѣстнымъ египтологомъ В. С. Голенищевымъ[3]). Но множество предметовъ, разсѣянныхъ въ собраніяхъ какъ Петрограда, такъ — тѣмъ болѣе — Москвы и русскихъ провинціальныхъ городовъ, оставалось малоизвѣстнымъ, а по большей части вовсе не извѣстнымъ египтологическому міру. И вотъ, Б. А. Тураевъ принялся за систематическое описаніе подобныхъ собраній. Подъ общимъ заглавіемъ: «Описаніе египетскихъ памятниковъ въ русскихъ музеяхъ и собраніяхъ», онъ помѣстилъ въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества» систематическіе научные каталоги древностей изъ Египта, хранящихся въ Петроградѣ въ Этнографическомъ Музеѣ Императорской Академіи Наукъ, въ Музеѣ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, въ коллекціяхъ графа С. А. Строганова, подполковника А. А. Пальникова, М. С. Куторги, М. П. Боткина, въ Музеѣ Духовной Академіи, въ музеѣ при училищѣ Штиглица, въ коллекціяхъ кн. С. С. Абамелекъ-Лазарева, Н. П. Лихачева, г-жи Засѣцкой и въ Музеѣ Археологическаго Института[4]). Покончивъ съ второстепенными петроградскими собраніями, Б. А. обслѣдовалъ собранія провинціальныя, начавъ описаніе съ Прибалтійскаго края. Онъ описалъ собранія египетскихъ древностей въ Эстляндскомъ Губернскомъ Музеѣ въ Ревелѣ, въ Курляндскомъ Губернскомъ Музеѣ въ Митавѣ, въ Музеѣ древностей при Юрьевскомъ Университетѣ и въ Отечественномъ Музеѣ Эстонскаго Ученаго Общества въ Юрьевѣ[5]). Далѣе имъ были даны научные каталоги собраній въ Вильнѣ (при Публичной Библіотекѣ), въ Кіевѣ (въ Духовной Академіи, Университетѣ и въ коллекціи проф. Прахова)[6]) и въ Казани (въ Музеѣ изящныхъ искусствъ при Университетѣ и въ Городскомъ Лихачевскомъ Музеѣ[7]). Сюда же нужно отнести и нѣкоторыя другія работы Б. А. Тураева,

---

[2]) Zwei Hymnen an Thot — Aeg. Zeit. 33 (1895), S. 120—125. Die naophore Statue Nr. 97 im Vatican — ibid. 46 (1909—10), 74—77.

[3]) Ermitage Impériale Inventaire de la Collection Egyptienne. 1891. VIII+385 стр.

[4]) Весь этотъ матеріалъ помѣщенъ въ Зап. Вост. Отд., т. XI (1899). Ср. также «Египетскія замѣтки», I—II въ Зап. Класс. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., т. III (1904).

[5]) Зап. Вост. Отд., т. XI (1899).

[6]) Ibid., т. XII (1900).

[7]) Ibid., т. XV (1903).

посвященныя египетскимъ [8]), а также клинописнымъ [9]) памятникамъ, хранящимся въ русскихъ собраніяхъ. Б. А. Тураевъ составилъ и свою собственную небольшую, но цѣнную коллекцію египетскихъ древностей [10]).

Въ послѣднее время Б. А. Тураевъ издаетъ египетскіе памятники Музея Императора Александра III въ Москвѣ [11]).

Очень интересны опубликованные имъ египетскіе памятники, найденные на югѣ Россіи и проливающіе свѣтъ на сношенія греческихъ черноморскихъ колоній съ далекимъ Египтомъ, въ частности, съ Навкратисомъ [12]).

Но Б. А. Тураевъ не ограничивается изданіемъ памятниковъ. Онъ ведетъ и ихъ историческую обработку.

Здѣсь на первый планъ нужно поставить работы проф. Тураева по исторіи древне-египетской религіи. Много замѣчаній изъ этой области разсѣяно въ комментаріяхъ Б. А. къ опубликованнымъ имъ древностямъ [13]). Здѣсь имѣются весьма интересныя наблюденія. Такова, напр., его недав-

---

[8]) Неизданный поэтическій памятникъ коптской письменности (связь коптскаго христіанства съ древне-египетской религіей) — Зап. Вост. Отд., т. X (1896). Коптскія ostraka коллекціи В. С. Голенищева — Изв. Имп. Акад. Наукъ, т. X, 1899. — Копто-сахидское письмо изъ коллекціи В. С. Голенищева; Ахмитскій папирусъ изъ коллекціи В. С. Голенищева — Зап. Вост. Отд., т. XVIII (1907—8). — О нѣкоторыхъ египетскихъ древностяхъ изъ коллекціи Сурučана — ibid., т. XXI (1911—12). Einige unedierte Saïtica in russischen Sammlungen — Z. f. aeg. Spr., 48 (1911), S. 160—163. Коптскія надписи изъ собранія Н. П. Лихачева — «Христіанскій Востокъ». т. I, 1912. Коптскій пергаментный амулетъ — ibid. Нѣсколько египетскихъ надписей изъ моей коллекціи и изъ Московскаго Румянцевскаго Музея — Зап. Класс. Отд., т. VII, 1912.

[9]) О двухъ клинописныхъ табличкахъ Музея Церковно-Археол. Общ. при Кіевск. Дух. Академіи — Зап. Вост. Отд., т. XIII (1901).

[10]) Б. А. Тураевъ и Б. В. Фармаковскій, Опись коллекціи древностей, привезенныхъ изъ Египта весной 1909 г. — Зап. Класс. Отдѣл. Имп. Русск. Арх. Общ., т. VI (1910). B. Turajeff, Einige unedierte Saitica in russischen Sammlungen, II — Z. f. äg. Spr. 48 (1911). Г. Струве, Коптскій папирусъ изъ коллекціи проф. Б. А. Тураева — «Христ. Вост.», т. I (1912), стр. 207—211. — Б. А. Тураевъ, Нѣсколько египетскихъ надписей изъ моей коллекціи и изъ Московскаго Румянцевскаго Музея — Зап. Кл. Отд., т. VII, 1912.

[11]) Объ отдѣлахъ древняго и христіанскаго Востока въ Музеѣ Александра III въ Москвѣ — Зап. Вост. Отд., т. XXI (1911—12). — Музей Изящныхъ Искусствъ имени Имп. Александра II въ Москвѣ. Краткій иллюстрированный путеводитель. Ч. I, М., 1912 (здѣсь Б. А. Тураеву принадлежатъ стр. 7—36 и 41—48). — Предметы финикійскаго происхожденія... Голенищевскаго собранія; Дворцы Наоса съ молитвами богинѣ Тауэртъ; Надписи римскаго времени о священномъ бкѣ — всѣ три статьи въ «Памятникахъ Музея изящныхъ искусствъ имени Имп. Александра III въ Москвѣ, М., 1912.

[12]) Б. А. Тураевъ, Скарабеи съ о. Березани — Изв. Имп. Археол. Коммиссіи, вып. 40 (1911). — Objets égyptiens et égyptisants trouvés dans la Russie méridionale — Rev. archéol. 1911, II. — Терракотовый свѣтильникъ изъ Ольвіи (?), изображающій чету Бесовъ — Изв. Имп. Арх. Ком., вып. 45, 1912. — Фигурка Имхотепа, найденная въ Кубанской области — ib., вып. 49, 1913.

[13]) Ср. его статьи: Изъ исторіи книги мертвыхъ — Зап. Класс. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., т. III (1904). Египетскія замѣтки III—IV — ibid. — Два текста, относящіеся къ культу Мина — ibid., т. I (1904). — Дверцы Наоса съ молитвами богинѣ Тауэртъ — Памятники Музея Изящныхъ Искусствъ имени Имп. Александра III въ Москвѣ, вып. I—II, 1912.

няя работа, посвященная изображеніямъ воскресенія на египетскихъ памятникахъ [14]).

Особенное вниманіе обращаетъ на себя его трудъ: «Богъ Тотъ. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры. Лейпцигъ. 1898». Эта работа (магистерская диссертація автора) представляетъ изъ себя одно изъ лучшихъ изслѣдованій въ области древне-египетской религіи. Здѣсь собранъ громадный матеріалъ письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ, относящихся къ культу Тота. Разработанъ этотъ матеріалъ строго исторически: авторъ не смѣшиваетъ эпохъ, какъ это нерѣдко бывало въ старыхъ работахъ по исторіи египетской культуры и, въ частности, религіи (напр., у Бругша). Обширная первая глава (стр. 1—93) посвящена исторіи культа Тота. Въ началѣ работы авторъ разъясняетъ отношеніе культа Тота къ древнему фетишистическому культу птицы ибиса. Здѣсь же выясняется и вліяніе языка на культъ ибиса-Тота (стр. 10). Далѣе авторъ разъясняетъ роль древнѣйшаго мѣстнаго культа Тота въ Гермополѣ. Попутно онъ останавливается на отношеніи этого культа къ другому фетишистическому культу — культу павіана. Далѣе охарактеризованъ культъ Тота въ эпоху Древняго Царства («Тексты пирамидъ»), его мѣсто въ системахъ боговъ египетской теологіи этой эпохи (между прочимъ его значеніе какъ луннаго бога), его отношеніе къ культу мертвыхъ, эвгемеристическія представленія о немъ. Вслѣдъ за анализомъ документовъ Средняго Царства, гдѣ Тотъ выступаетъ между прочимъ какъ богъ науки, въ частности математики, и гдѣ появляется въ большей степени моральный элементъ въ культѣ, — идетъ детальный анализъ соотвѣтствующихъ главъ «Книги мертвыхъ» и другихъ документовъ Новаго Царства. Здѣсь Тотъ фигурируетъ какъ богъ науки, богъ-магъ. Моральный элементъ въ культѣ усиливается. «Въ представленіи лучшихъ людей времени, въ лицѣ Тота явился образъ благого и премудраго бога общественнаго и мірового порядка, олицетворяющаго собой выработанную культуру» (стр. 73). Въ слѣдующей главѣ характеризуются синкретистическія тенденціи позднихъ эпохъ (сліяніе культа Тота съ другими культами). Вторая глава книги (стр. 94—111) трактуетъ объ образѣ Тота въ египетскомъ искусствѣ, а третья глава (стр. 112—151) посвящена богослужебнымъ формамъ культа Тота. Послѣдняя (четвертая) глава (стр. 151—156) говоритъ о женскихъ дополненіяхъ Тота, появившихся сравнительно поздно: представленія о нихъ были очень неустойчивы. Въ заключеніи (157—166) авторъ говоритъ о сближеніи Тота съ Гермесомъ въ эллинистическо-римскую эпоху. Къ книгѣ приложенъ указатель эпитетовъ

---

[14]) Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ честь проф. В. П. Бузескула, Харьковъ, 1914.

Тота, рядъ гіероглифическихъ и гіератическихъ текстовъ и нѣсколько изображеній Тота.

Кромѣ исторіи египетской религіи, Б. А. Тураеву принадлежитъ рядъ работъ по другимъ отдѣламъ исторіи Египта. Еще въ 1893 г. появилась его статья: «Народъ Кефтъ египетскихъ памятниковъ»[15]), гдѣ онъ сближаетъ это названіе съ населеніемъ островов Средиземнаго моря микенской эпохи. Отношенію Египта къ Греціи посвящена и другая статья Б. А. Тураева, гдѣ онъ анализируетъ бюрократическій титулъ эпохи 26-й династіи: «Начальники Грековъ»[16]).

Завершеніемъ трудовъ Б. А. Тураева въ области египтологіи и вообще въ области древней оріэнталистики является его двухтомная «Исторія древняго Востока». Этотъ трудъ явился результатомъ университетскихъ чтеній проф. Тураева. Первое изданіе перваго тома вышло въ 1911 г., второго — въ 1912 г. Это изданіе быстро разошлось. Мы видимъ, что уже въ 1913 г. появляется первый томъ во 2-мъ изданіи, а въ 1914 — второй. Новое изданіе украшено довольно значительнымъ количествомъ иллюстрацій, при чемъ весьма цѣннымъ является то обстоятельство, что большинство рисунковъ отнюдь не избито, очень многіе взяты изъ малораспространенныхъ изданій. Есть рисунки, опубликованные, сколько я знаю, впервые (т. I, стр. 158, 223, 334; т. II, стр. 56, 246, 348 и проч.). Въ своей «Исторіи древняго Востока» Б. А. Тураевъ далъ русскому обществу трудъ, стоящій на уровнѣ лучшихъ западноевропейскихъ общихъ сочиненій по исторіи древняго Востока. Конечно, авторъ—египтологъ, и поэтому лучшія части его работы—это тѣ, которыя посвящены исторіи Египта: онѣ наиболѣе оригинальны. Здѣсь авторъ часто самостоятельно обрабатываетъ подлинные тексты. Но и въ сферѣ исторіи азіатскихъ народовъ авторъ далъ изложеніе, стоящее на уровнѣ современной науки. Въ «Исторіи древняго Востока» даны очерки развитія египтологіи и ассиріологіи, сообщаются свѣдѣнія о хронологическихъ системахъ, о географіи и этнографіи древняго Востока. Далѣе въ первомъ томѣ дано изложеніе политической исторіи до XII в. включительно (паденіе египетскаго Новаго Царства и касситская династія въ Вавилонѣ). Изложеніе второго тома охватываетъ время съ возвышенія Ассиріи и 21-й египетской династіи и доходитъ до греко-римскаго времени. Экономической и соціальной исторіи удѣлено менѣе мѣста, но основныя явленія охарактеризованы. Особенно же рельефно выдвинуто религіозное развитіе Египта и передней Азіи. Здѣсь въ изложеніи чувствуется спеціалистъ, глубоко вчитывающійся въ тексты и умѣющій изъ нихъ создавать рельефное изображеніе. И далекій Карѳагенъ включенъ

---

[15]) Ж. М. Н. П., 1893, т. 289.

[16]) Ib., 1901, т. 335.

въ очерки проф. Тураева (т. II, стр. 377—396). Не забыты и страны дальняго юга—Мерая и Аксумъ (ibid., 342—357).

«Исторіей древняго Востока» проф. Б. А. Тураева русская наука можетъ гордиться.

Упомяну еще, что Б. А. Тураеву принадлежатъ нѣсколько общедоступныхъ статей по исторіи Египта въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза и Эфрона и въ «Новомъ энциклопедическомъ словарѣ» той же фирмы (здѣсь особенно цѣнны статьи: «Египетъ, исторія» «Египтологія» и «Финикія»).

Мнѣ остается сказать еще объ одной обширной сферѣ научной дѣятельности проф. Тураева. Я имѣю въ виду его работы въ области абиссинской (эѳіопской) исторіи и литературы. Б. А. является однимъ изъ рѣдкихъ въ Европѣ спеціалистомъ по изученію Абиссиніи. Этой странѣ посвящена его докторская диссертація: «Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи», С.-Пб., 1902. Здѣсь путемъ тщательнаго анализа житій святыхъ Б. А. Тураевъ стремится извлечь изъ нихъ историческія извѣстія. Исторіи умственнаго развитія Абиссиніи посвящено изслѣдованіе нашего автора: «Абиссинскіе свободные мыслители XVII в.» (Ж. М. Н. П., ч. 350, 1903, дек.). Сюда же относятся его работы: «Изъ жизни абиссинскаго монашества въ XIV в.»[17]) и «Изъ армянско-абиссинскихъ сношеній»[18]).

Очень много труда посвятилъ Б. А. на описаніе и изданіе абиссинскихъ рукописей[19]). Таковы его труды: «Часословъ Эѳіопской церкви», «Эѳіопскіе стихи въ честь апостоловъ»[20]), «Эѳіопскія рукописи Церковно-Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи»[21]), «Эѳіопскія рукописи Гатчинскаго Дворца»[22]), «Богатство царей. Трактатъ о династическомъ переворотѣ въ Абиссиніи въ XIII в.»[23]), «Копто-эѳіопскія сказанія о преподобномъ Кирѣ»[24]), «Изслѣдованія Зара Якоба. Исповѣдь абиссинскаго свободнаго мыслителя XVII в.»[25]), «Monumenta Aethiopiae hagiologica. Fasc. I. Lipsiae. 1902. Fasc. II. Petropoli. 1902[26]), «Вирши царя Наода»[27]), «Эѳіопскія рукописи въ Петербургѣ»[28]), «Повѣствованіе о Добра-Либаносскомъ мона-

[17]) Зап. Вост. Отд., т. XIII (1901).

[18]) Ib., т. XXI (1911—1912).

[19]) Ср. его статью: «Современныя предпріятія по изданію литературныхъ памятниковъ христіанскаго Востока» — Ж. М. Н. П., 1905, ч. 357.

[20]) Записки Имп. Ак. Наукъ, 1897. Рец. В. В. Болотова, Христ. чт. 1898, февр., 189—198.

[21]) Зап. Вост. Отд., т. XII (1909).

[22]) Ibid.

[23]) Ib., т. XIII (1901).

[24]) Ib.

[25]) Ib., т. XV (1903).

[26]) Ib., т. XVI (1904—5).

[27]) Рец. г. Коковцова въ Зап. Вост. Отд.

[28]) Зап. Вост. Отд., т. XVI (1904—5).

стырѣ»[29]), «Къ эѳіопской повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ»[30]), «Эѳіопскіе мелкіе тексты»[31]), «Чудеса св. Троицы. Эѳіопскій апокрифическій сборникъ»[32]).

Абиссинскимъ искусствомъ, абиссинской нумизматикой Б. А. Тураевъ также интересуется[33]).

Таковы многообразные труды Б. А. Тураева по востоковѣдѣнію, хотя я долженъ оговориться, что перечень мой не является исчерпывающимъ[34]).

Но печатными трудами не исчерпывается дѣятельность Бориса Александровича: въ его лицѣ русскій университетъ впервые увидалъ преподавателя египтологіи на каѳедрѣ. Б. А. имѣетъ учениковъ и создаетъ такимъ образомъ русскую египтологическую школу[35]).

М. Хвостовъ.

III.

Ученыя заслуги Б. В. Фармаковскаго.

Одною изъ приснопамятныхъ услугъ, оказанныхъ графомъ А. С. Уваровымъ археологической наукѣ въ Россіи, было начатое имъ изслѣдованіе Ольвіи. Когда, въ 1847 году, Императорское Русское Археологическое Общество рѣшило отправить экспедицію для пополненія свѣдѣній о мало до того времени изслѣдованныхъ древностяхъ Черноморья, графъ А. С. Уваровъ, въ виду недостатка средствъ у Общества, изъявилъ готовность произвести эти разслѣдованія на собственныя средства. Въ сопровожденіи П. П. Сабатье графъ А. С. Уваровъ объѣхалъ побережье Чернаго моря отъ устьевъ Дуная до Таманскаго полуострова. Результаты своей экспедиціи графъ А. С. Уваровъ, какъ извѣстно, изложилъ въ своихъ «Изслѣдованіяхъ о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря» (С.-Пб. 1851—6); во второй главѣ этихъ «Изслѣдованій» графъ А. С. Уваровъ изложилъ, на основаніи свидѣтельствъ древнихъ писателей, монетъ и надписей, исторію Ольвіи.

---

29) Ib., т. XVII (1906).

30) Ibid.

31) Ib., т. XXI (1911—12).

32) Христ. Востокъ, т. I (1912).

33) Ibid.

34) Б. А. Тураевъ и Д. В. Айналовъ, Произведенія абиссинской живописи, собранныя д-ромъ А. П. Кохановскимъ — Христ. Вост., т. II, 1913. — Б. А. Тураевъ, Двѣ аксумскія монеты Императорскаго Эрмитажа — Зап. Класс. Отд., т. I (1904).

35) Упомяну еще нѣкоторыя рецензіи Б. А. Тураева: Отзывъ о сочиненіи М. В. Никольскаго. Клинообразныя надписи Закавказья — Зап. Вост. Отд., т. XI (1899). — Gudi, Qene o Inni Abissini — ib., т. XIII (1901). — Rossini. L'Evangelo d'oro di Dabra Libanos — ib., т. XIV (1902). — Hommel, Grundriss der Geographie und Geschichte des alten Orients — ib., т. XVII (1906). — Хвостовъ, М., Изслѣдованія по исторіи обмѣна, т. I — ib., т. XVIII (1907—8). — Слѣдуетъ упомянуть также некрологъ В. В. Болотова — ib., т. XIII (1901) и Ж. М. Н. П., 1900, сент., стр. 81—101. См. также: Къ исторіи хеттскаго вопроса — Зап. Класс. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., 1900. — Очеркъ изученія финикійской древности — Историч. Обозр., т. VI (1893).

Прошло много лѣтъ послѣ того, какъ графомъ А. С. Уваровымъ указано было на важность и необходимость изслѣдованія Ольвіи въ археологическомъ отношеніи. Отъ времени до времени на мѣстѣ ея расположенія производились раскопки, но онѣ носили случайный характеръ. Въ болѣе близкое намъ время производилъ въ ольвійскомъ некрополѣ раскопки В. Н. Ястребовъ, въ 1894 г.: въ 1896 и 1900 гг. копали тамъ же Б. В. Фармаковскій и Ю. А. Кулаковскій. Лишь съ 1901 г. археологическія разслѣдованія въ Ольвіи поставлены были на солидную почву и хотя они еще далеко не закончены, но мы уже теперь можемъ быть вполнѣ увѣрены въ томъ, что постепенно, годъ за годомъ, шагъ за шагомъ древняя Ольвія предъ нами воскреснетъ. Были бы средства, а человѣкъ, который воскреситъ всецѣло Ольвію, по счастью, уже нашелся. Человѣкъ этотъ — Б. В. Фармаковскій.

Начиная съ 1901 г., Б. В. Фармаковскій ежегодно лѣтомъ отправляется въ Ольвію и производитъ тамъ раскопки. Производитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не «закопаетъ въ землю» отпущенныя ему на данную кампанію средства. Средства эти закапываются въ землю недаромъ. Почва древней Ольвіи, несомнѣнно, сразу же прониклась благодарностью къ ея неутомимому и настойчивому изслѣдователю. Она не только даритъ его ежегодно новыми, иногда очень важными, находками, но она и вскрываетъ предъ нимъ постепенно картину древняго города.

Излагать исторію четырнадцатилѣтнихъ раскопокъ, производимыхъ Б. В. Фармаковскимъ въ Ольвіи, едва ли есть надобность. Общіе результаты ихъ вошли уже въ научный обиходъ, и не только у насъ въ Россіи, но и за границей. Необходимо, однако, указать на то общее значеніе, какое эти раскопки имѣютъ, такъ сказать, въ методологіи практической археологіи.

На обширномъ протяженіи нашего отечества раскопки, какъ извѣстно, производились и производятся во многихъ мѣстахъ. Но систематическіе, по всѣмъ правиламъ науки, у насъ раскопки дѣлаются только въ двухъ пунктахъ: въ Ани, на Кавказѣ, — Н. Я. Марромъ и въ Ольвіи — Б. В. Фармаковскимъ; къ этимъ двумъ пунктамъ, пожалуй, можно еще присоединить, хотя и не безъ оговорокъ, Херсонесъ. Во всѣхъ другихъ пунктахъ раскопки у насъ все еще носятъ, до извѣстной степени, случайный, а подчасъ и дилетантскій характеръ.

Б. В. Фармаковскій, въ молодые свои годы, имѣлъ постоянную возможность провести нѣсколько лѣтъ въ Греціи, гдѣ, начиная съ раскопокъ въ Олимпіи, раскопки носятъ строго планомѣрный и исключительно научный характеръ. Онъ пользовался благопріятнымъ случаемъ воочію познакомиться съ тѣмъ, какъ производятся раскопки въ Греціи греками, нѣмцами и французами. И строгіе методы археологическихъ изслѣдованій, производившихся въ Аѳинахъ и другихъ мѣстахъ Греціи, Б. В. Фармаковскій все-

цѣло и умѣло примѣнилъ къ изслѣдуемой имъ Ольвіи. Не погоня за находками во что бы то ни стало руководитъ имъ въ его работахъ. Онъ стремится воскресить предъ нами ея древній обликъ въ его исторической послѣдовательности, дать «монументальную исторію» Ольвіи. Свою работу Б. В. Фармаковскій ведетъ постепенно, не бросаясь изъ стороны въ сторону. Начавъ гдѣ-либо на территоріи Ольвіи раскопку, онъ доводитъ ее до возможнаго конца, относится внимательно къ производству работъ, ведетъ имъ тщательные дневники, детально регистрируетъ находимые предметы, отмѣчая при этомъ всѣ детали производства работъ и нахожденій памятниковъ, фотографируетъ раскапываемую мѣстность въ различные моменты раскопки, привлекаетъ, гдѣ это оказывается нужнымъ, на помощь себѣ архитектора и т. д., и т. д. Коротко говоря, Б. В. Фармаковскій, какъ то и подобаетъ ученому археологу, ведетъ свои раскопки строго-научно и тѣмъ самымъ обезпечиваетъ результатамъ своихъ работъ высокую и непреходящую научную цѣнность.

Городу, который въ древности назывался «Счастливымъ», сопутствуетъ счастье и въ новое время. Его остатки и развалины нашли достойнаго изслѣдователя, какимъ русская археологія въ правѣ гордиться и которому она уже теперь, за постепенное воскрешеніе Ольвіи, должна быть признательна.

* * *

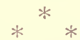
Но заслуги Б. В. Фармаковскаго по отношенію къ Ольвіи этимъ не ограничиваются. Мало умѣло раскопать то или иное древнее поселеніе, мало регистрировать находки, сдѣланныя при этомъ: нужно еще и закрѣпить свою работу путемъ составленія тщательнаго отчета о ней и изслѣдованія открытыхъ памятниковъ. Годичные отчеты Б. В. Фармаковскаго о его раскопкахъ въ Ольвіи помѣщаются въ «Отчетахъ Императорской Археологической Коммиссіи» (къ сожалѣнію, «Отчеты» эти, не по винѣ Б. В. Фармаковскаго, запаздываютъ); сверхъ того, начиная съ 1904 г., краткіе отчеты о раскопкахъ въ Ольвіи, въ связи съ отчетами о раскопкахъ и находкахъ изъ южной Россіи вообще, помѣщаются Б. В. Фармаковскимъ въ «Archäologischer Anzeiger» на нѣмецкомъ языкѣ. И русскій и нѣмецкій отчеты Б. В. Фармаковскаго, чрезвычайно обстоятельные, сопровождаются всегда планами и рисунками и даютъ наглядную картину того, что сдѣлано въ Ольвіи за истекшую кампанію. Особнякомъ стоятъ два большихъ отчета Б. В. Фармаковскаго о раскопкахъ въ Ольвіи въ 1901 и въ 1902—3 гг. Напечатанные въ Извѣстіяхъ Императорской Археологической Коммиссіи, выпуски 8 (1903 г.) и 13 (1906 г.). Эти отчеты носятъ уже характеръ изслѣдованій. Первый изъ нихъ (115 стр.), украшенный 6 таблицами

и 83 рисунками, представляетъ рядъ интереснѣйшихъ наблюденій надъ Ольвійскимъ некрополемъ, изслѣдуетъ формы ольвійскихъ гробницъ и расположеніе могилъ въ некрополѣ, устанавливаетъ вѣроятное время разграбленія большей части могилъ, распредѣляетъ различные типы ихъ по разнымъ частямъ некрополя, опредѣляетъ положеніе костяковъ и ихъ сохранность, говоритъ о гробахъ и саркофагахъ, о полѣ и возрастѣ погребенныхъ и т. д. Затѣмъ Б. В. Фармаковскій обращается къ разсмотрѣнію родовъ вещей, находимыхъ въ гробницахъ, къ расположенію вещей въ могилахъ и рисуетъ, въ результатѣ своихъ наблюденій, обрядъ ольвійскихъ похоронъ. Съ особенною подробностью изслѣдуетъ Б. В. Фармаковскій глиняные сосуды, найденные въ могилахъ, а также предметы изъ золота, серебра, мѣди, свинца, желѣза и др. матеріаловъ. Въ заключеніи отчета устанавливается эпоха ольвійскаго некрополя, а въ приложеніяхъ дается: 1) дневникъ раскопокъ, 2) перечневая опись предметамъ, найденнымъ при раскопкахъ и пріобрѣтеннымъ случайно.

«Раскопки въ Ольвіи въ 1902—3 гг.» (Изв. Арх. Комм. 13, 1906 г.) увѣнчаны уже были Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ золотою медалью въ память графа А. С. Уварова. Отчетъ объ этихъ раскопкахъ представляетъ собою большой томъ въ 300 съ лишнимъ страницъ, украшенный 12 таблицами и 165 рисунками. Въ отчетѣ дается подробнѣйшее описаніе и обстоятельное изслѣдованіе произведенной Б. В. Фармаковскимъ раскопки кургана на берегу р. Буга, а также раскопокъ некрополя въ 1902—3 гг.: затѣмъ описываются и изслѣдуются предметы древности, найденные при указанныхъ раскопкахъ, наконецъ, въ приложеніяхъ дается перечневая опись предметамъ, найденнымъ при раскопкахъ и пріобрѣтеннымъ случайно. Центръ тяжести отчета заключается въ возстановленіи и изслѣдованіи открытыхъ при раскопкахъ остатковъ дома эллинистической эпохи, трехъ мраморныхъ головокъ александрійскаго стиля и керамическихъ находокъ, относящихся къ древнѣйшей эпохѣ Ольвіи. Попутно Б. В. Фармаковскій предлагаетъ рядъ интересныхъ и важныхъ замѣчаній объ устройствѣ эллинистическаго дома вообще, о вліяніяхъ Александріи и Родоса въ Ольвіи, объ іонійскихъ вазахъ съ бѣлой облицовкой и т. п. Вообще отчетъ далеко выходитъ за предѣлы того, что мы привыкли связывать съ этимъ терминомъ: это — въ полномъ смыслѣ слова научное изслѣдованіе различнаго рода проблемъ изъ области классической археологіи, для разбора которыхъ результаты раскопокъ и сдѣланныя находки послужили лишь точкою отправленія.

Для результатовъ, достигнутыхъ раскопками въ Ольвіи въ періодъ времени съ 1904 г., мы пока подробныхъ обслѣдованій Б. В. Фармаковскаго не имѣемъ (о результатахъ раскопокъ и находокъ за 1901—8 гг. Б. В. Фар-

маковскій читалъ докладъ на Международномъ Археологическомъ конгрессѣ въ Капрѣ въ 1909 г.: докладъ этотъ, подъ заглавіемъ: Olbia, Fouilles et trouvailles 1901—1908, напечатанъ въ Изв. Арх. Комм. 33, 1909). Зато нѣкоторые изъ отдѣльныхъ памятниковъ, происходящихъ изъ Ольвіи и открытыхъ при раскопкахъ Б. В. Фармаковскаго, или бывшихъ извѣстными ранѣе, изданы и изслѣдованы имъ съ присущею ему обстоятельностью въ спеціальныхъ статьяхъ. Таковы: «Обломокъ глиняной чаши, украшенной рельефомъ, изъ Ольвіи» (Изв. Арх. Комм. 2, 1902 г.), «Склепъ Еврисивія и Ареты въ Ольвіи» (Изв. Арх. Комм. 3, 1902 г.), «Ольвійская реплика Аѳины-дѣвы Фидія» (Изв. 14, 1905), «Еще объ ольвійской статуэткѣ Аѳины» (Изв. Арх. Комм. 17, 1905). «Ольвійскія древности изъ коллекціи Н. Ф. Романченко въ С. Петербургѣ» (Изв. Арх. Комм. 42, 1911 г.). Чтобы покончить съ работами Б. В. Фармаковскаго, относящимися къ Ольвіи, упомянемъ еще его статью «Ольвія» въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза-Ефрона.

Углубившись въ изслѣдованіе Ольвіи и ея памятниковъ, Б. В. Фармаковскій, естественно, не могъ оставить внѣ кругозора своихъ ученыхъ интересовъ памятники, происходящіе и изъ другихъ мѣстъ греческихъ поселеній на югѣ Россіи и на Кавказѣ. Въ этой области имъ дано также не мало въ высокой степени важныхъ и цѣнныхъ работъ. Упомянувъ лишь кратко о его статьяхъ: «Рѣзной камень римской работы изъ Черниговской губерніи», «Бронзовая вставная ручка изъ Екатеринославской губерніи» (обѣ въ Изв. Арх. Комм. 3, 1902 г.) и «Обломки статуэтки сатира изъ Керчи» (Сборникъ въ честь Э. Р. фонъ-Штерна — Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., XXX, 1912 г.), я остановлюсь прежде всего на изслѣдованіи Б. В. Фармаковскаго. «Золотыя обивки налучій (горитовъ) изъ Чертомлыцкаго кургана и изъ кургана въ м. Ильинцахъ» (Сборникъ въ честь графа А. А. Бобринскаго, С.-Пб., 1911, 74 стр. съ приложеніемъ трехъ таблицъ и 11 рисунковъ въ текстѣ). Первый изъ этихъ горитовъ, извѣстный давно, служилъ неоднократно предметомъ научныхъ разысканій и вызывалъ различныя толкованія. Второй горитъ, издаваемый впервые Б. В. Фармаковскимъ, оказался совершенно тожественнымъ съ Чертомлыцкимъ памятникомъ. Путемъ внимательнаго анализа Б. В. Фармаковскій доказываетъ, что оба горита изготовлены не отъ руки: обивки ихъ отличаются другъ отъ друга въ деталяхъ, сдѣланныхъ гравировкой отъ руки, при чемъ мастеръ Чертомлыцкой обивки частью упрощаетъ детали, частью опускаетъ ихъ вовсе. Это ведетъ къ предположенію, что мастера обѣихъ обивокъ были разные, что Чертомлыцкая обивка — копія, отбитая съ горита Ильинецкаго. Сама композиція обоихъ горитовъ, раздѣленная на пять группъ, воспроиз-

водитъ сцены изъ сказаній объ Ахиллѣ. Самая важная часть изслѣдованія посвящена анализу стиля и датировки горитовъ. Б. В. Фармаковскій неопровержимыми, на нашъ взглядъ, доводами доказалъ, что оба горита, по времени исполненія, относятся ко II в. до Р. Хр. Правильность такой датировки подкрѣплена Б. В. Фармаковскимъ въ его статьяхъ «Новѣйшая датировка Карагодеуашхскаго кургана» (Изв. Таврич. Ученой Архивной Комм. № 51, 1913 г.) и «Аканоовая вѣтвь на серебряномъ сосудѣ съ Таманскаго полуострова» (Сборникъ въ честь В. П. Бузескула, Харьковъ 1914). Вѣроятнымъ намъ представляется и тотъ выводъ автора, что оба горита— произведенія Милетскаго искусства.

Въ статьѣ «Милетскія вазы изъ Россіи» (Древности, XXV, Москва 1914, съ приложеніемъ 6 таблицъ) Б. В. Фармаковскій изслѣдуетъ рядъ вазъ, происходящихъ изъ Россіи, мѣстомъ происхожденія которыхъ онъ, справедливо на нашъ взглядъ, считаетъ Милетъ.

Недавно вышедшая работа Б. В. Фармаковскаго посвящена изслѣдованію «Архаическаго періода въ Россіи» (Матеріалы по археологіи Россіи, 34, стр. 15—78, съ приложеніемъ 29 таблицъ и 39 рис.). Работа эта, возникшая изъ доклада, прочитаннаго авторомъ на Международномъ конгрессѣ историковъ въ Лондонѣ въ 1913 г., имѣетъ исключительно важное значеніе по поставленнымъ въ ней Б. В. Фармаковскимъ проблемамъ. Она состоитъ изъ слѣдующихъ главъ: 1) Предметъ и задачи доклада, 2) Архаическая Ольвія, 3) Архаическая Скиѳія, 4) Архаическій Кавказъ (Калакентъ, Майкопъ), 4) Заключеніе. Излагать содержаніе этихъ главъ не представляется возможнымъ въ краткомъ отзывѣ: такое богатство матеріала привлечено здѣсь авторомъ для изученія, такъ новы и подчасъ неожиданны дѣлаемыя авторомъ сопоставленія и получаемыя имъ изъ этихъ сопоставленій заключенія. Достаточно отмѣтить основные выводы автора, что «іонійское искусство южно-русскихъ греческихъ колоній въ Скиѳіи и въ примыкающихъ къ ней областяхъ создало художественные образы своеобразнаго «звѣринаго» стиля, что стиль этотъ ведетъ начало изъ древняго іонійскаго и изъ хетскаго искусства, сильно воздѣйствовавшаго на іонійское», что «звѣриный» стиль въ архаическихъ памятникахъ Россіи не имѣлъ только декоративнано значенія, но былъ выраженіемъ идей, сходныхъ съ тѣми, которыя наблюдаются въ памятникахъ древне-іонійскаго, эгейскаго и хетскаго искусства, что культурныя вліянія передней Азіи простирались на области позднѣйшей Скиѳіи еще во II тысячелѣтіи до Р. Хр., что «звѣриный» стиль получилъ самое широкое распространеніе въ степяхъ восточной Европы и на сз. Азіи, вызвалъ себѣ подражанія и мѣстное творчество, и его основныя формы дожили до эпохи великаго переселенія народовъ, что остатки «звѣринаго» стиля въ Россіи пережили и это переселеніе, и живутъ еще

и донынѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи въ художественныхъ подѣлкахъ народа и въ убранствѣ его домовъ. Вотъ какіе широкіе горизонты открываетъ «Архаическій періодъ въ Россіи». Они и теперь уже, послѣ изслѣдованія Б. В. Фармаковскаго, достаточно ясны. Они станутъ еще яснѣе, когда или самъ авторъ своими дальнѣйшими работами, или другіе, для которыхъ выставленныя имъ положенія должны послужить оцѣнкѣ точкою отправленія, разсѣятъ мелькающія тамъ и сямъ небольшія тучки на этихъ горизонтахъ. Какъ бы то ни было, главная работа по части изученія архаическаго періода искусства въ Россіи Б. В. Фармаковскимъ сдѣлана, всѣ важные памятники сопоставлены и сгруппированы, аналогіи имъ указаны, а ученый аппаратъ, сопровождающій все изслѣдованіе, такъ обширенъ и разнообразенъ, что онъ даже нѣсколько затрудняетъ если не изученіе, то, по крайней мѣрѣ, ознакомленіе съ содержаніемъ этого капитальнаго произведенія Б. В. Фармаковскаго.

* * *

Тѣ важные результаты, къ которымъ пришелъ Б. В. Фармаковскій при своемъ изученіи классическихъ древностей, происходящихъ изъ юга Россіи и Кавказа, явились, конечно, вслѣдствіе того, что самое изученіе этихъ древностей поставлено было имъ на единственно правильную и возможную, въ научномъ отношеніи, позицію. Въ противоположность многимъ, все еще продолжающимъ думать, что южно-русскіе классическіе памятники представляютъ собою что-то самодовлѣющее и въ себѣ самомъ замкнутое, что эти памятники входятъ (съ легкой руки Н. П. Кондакова и гр. И. И. Толстого) въ область «Русскихъ древностей въ памятникахъ искусства», что, поэтому, заниматься ими можетъ и русскій археологъ и русскій историкъ и даже просто дилетантъ, Б. В. Фармаковскій опредѣленно подчеркиваетъ своими работами, что плодотворное изученіе южно-русскихъ классическихъ памятниковъ — дѣло археолога-классика, что для научнаго занятія ими мало еще родиться, учиться и жить въ Россіи, но что для этого нужно пройти хорошую и основательную археологическую школу, созданную дружными усиліями нашихъ западныхъ собратьевъ. Къ своимъ занятіямъ южно-русскими классическими древностями Б. В. Фармаковскій приступилъ уже послѣ того, какъ онъ составилъ себѣ почетное имя своими работами въ области археологіи и исторіи древняго искусства вообще. Объ этихъ работахъ достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ.

Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ монументальный трудъ Б. В. Фармаковскаго «Аттическая вазовая живопись и ея отношеніе къ искусству монументальному въ эпоху непосредственно послѣ греко-персидскихъ войнъ» (С.-Пб. 1902, стр. VII+615+250), доставившій автору низшую ученую сте-

пень, но, по справедливости, достойный увѣнчанія и высшаго. Напомнимъ вкратцѣ содержаніе этого труда: оно покажетъ и его значеніе. Разобравъ свидѣтельства древнихъ о живописцахъ разбираемой авторомъ эпохи, особенно о Полигнотѣ, выяснивъ, что сдѣлано было въ наукѣ по вопросу о вліяніи искусства Полигнота на дошедшіе до насъ памятники и особенно на картины вазъ, Б. В. Фармаковскій пришелъ къ тому убѣжденію, что, для сообщенія своимъ разсужденіямъ солидной базы, ему необходимо возможно точнѣе установить время дѣятельности Полигнота и обосновать хронологію красно-фигурныхъ вазъ строгаго стиля, на которыхъ возможно искать вліянія Полигнота, а также установить время стилей, пришедшихъ на смѣну строгаго. Сдѣлать это можно было, только представивъ подробную исторію стиля вазовой живописи, начиная съ эпохи упадка строгаго стиля вплоть до конца существованія греческихъ росписныхъ вазъ. Установивъ время стилей «переходнаго», «прекраснаго» и «роскошнаго», послѣдовательно господствовавшихъ въ аттической керамикѣ послѣ стиля строгаго, Б. В. Фармаковскій далъ художественно-историческую оцѣнку ихъ и путемъ анализа стиля вазовой живописи въ сравненіи со стилемъ современной ей скульптуры и живописи выяснилъ отношеніе вазовой живописи къ искусству монументальному. Такимъ образомъ, огромная работа автора, стоившая ему большого труда и напряженія, преслѣдовала не узкія цѣли и составляетъ, строго говоря, одну изъ главъ исторіи греческаго искусства V вѣка до Р. Хр. Въ книгѣ Б. В. Фармаковскаго собранъ такой огромный матеріалъ, поставлено на разрѣшеніе и разрѣшено столько вопросовъ, что она является своего рода энциклопедіей для всякаго археолога классика и не утратитъ этого своего значенія на долгое время.

Къ области изученія греческой живописи нужно отнести еще слѣдующія статьи Б. В. Фармаковскаго: 1) «Три керамическихъ фрагмента Одесскаго музея Общества Исторіи и Древностей» (Зап. Од. Общ. XVI, 1893), 2) «Стѣнная живопись милетской эпохи» (Зап. Русск. Арх. Общ. Труды Класс. Отд. II 1897 г.), 3) «Вакхилидъ и аттическое искусство V вѣка» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1898), 4) «Надписи на греческихъ вазахъ VI и V вв. до Р. Хр., прославляющія различныхъ лицъ эпитетами *καλός, καλή*» (Филол. Обозр. 1899), 5) «Лесха Книдянъ въ Дельфахъ» (Изв. Русск. Арх. Инст. въ Константинополѣ, IV, 1899), 6) «Живопись въ Пальмирѣ» (тамъ же, VIII, 1903), 7) «Портретъ изъ Фагома» (Памятники Музея Изящныхъ Искусствъ имени Александра III въ Москвѣ, вып. I—II, 1912). Къ области изученія греческой скульптуры относятся статьи Б. В. Фармаковскаго *Κεφαλὴ ἐφήβου ἐκ τοῦ ἐν Ἀθήναις Ἐθνικοῦ Μουσείω* (*Εφ. ἀρχ.* 1897), «Гера Поликлета» (Зап. Класс. Отд. Русск. Арх. Общ. I, 1901), къ области изученія греческой архитектуры — статья «Колонна Фидія» (Сборникъ въ честь Н. И. Карѣева, 1914).

Остается отмѣтить еще статьи Б. В. Фармаковскаго, посвященныя изученію критско-микенской культуры («Микены и Финикія», Филол. Обозрѣніе 1897, и предисловіе къ проредактированному имъ переводу книги Лихтенберга «Доисторическая Грепія», 1913), его отчетъ о второмъ Международномъ Конгрессѣ классической археологіи въ Каирѣ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1910) и некрологи А. Фуртвенглера (Гермесъ, 1908) и А. А. Павловскаго (Журн. Мин. Народ. Просв. 1914).

Не ручаемся, что мы перечислили всѣ работы Б. В. Фармаковскаго. Но и указанныхъ нами достаточно, чтобы судить о томъ, насколько продуктивна, разнообразна и плодотворна была его писательская дѣятельность. О научномъ достоинствѣ ея врядъ ли есть нужда много и долго распространяться. Тѣмъ менѣе есть необходимость подводить итоги дѣятельности Б. В. Фармаковскаго. Дѣятельность эта находится въ періодѣ процвѣтанія и сулитъ намъ еще многое. Конечно, и впредь Б. В. Фармаковскій въ своихъ ученыхъ трудахъ будетъ продолжать знакомить ученый міръ съ неизвѣстными еще памятниками — его счастливое офиціальное положеніе предоставляетъ ему въ этомъ отношеніи большой просторъ — будетъ изучать памятники и ранѣе извѣстные, но нуждающіеся въ дальнѣйшемъ обслѣдованіи. Попрежнему мы будемъ находить въ трудахъ Б. В. Фармаковскаго и глубину знанія, и бездну учености, и тонкость анализа, и осторожность критическихъ пріемовъ, и умѣнье ставить новыя проблемы, и удачныя попытки ихъ разрѣшенія. Если во всѣхъ этихъ свойствахъ, присущихъ правильной научной работѣ, Б. В. Фармаковскій и не окажется одинокимъ, если славу первокласснаго археолога съ нимъ раздѣлять, Богъ дастъ, и другіе его собратья, то въ одномъ отношеніи Б. В. Фармаковскій, пожалуй, не встрѣтитъ себѣ соперника: поистинѣ, онъ изъ числа русскихъ археологовъ-классиковъ ученѣйшій!

С. Жебелевъ.

IV.

Ученыя заслуги Б. В. Фармаковскаго.

Борисъ Владимировичъ Фармаковскій занимаетъ среди современныхъ русскихъ археологовъ весьма видное мѣсто какъ по своимъ многочисленнымъ цѣннымъ изслѣдованіямъ и трудамъ въ области классической археологіи, такъ и по своей извѣстной, весьма заслуженной дѣятельности при систематическихъ раскопкахъ древней Ольвіи.

Будучи еще студентомъ въ Новороссійскомъ Университетѣ, онъ сталъ интересоваться древностями нашего Юга и занимался усердно изученіемъ коллекціи Одесскаго Музея древностей, который въ это время быстро обо-

гатился новыми пріобрѣтеніями и поступленіями; по весьма успѣшному окончанію университетскаго курса Борисъ Владимировичъ былъ оставленъ при Университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію и по благопріятному для его научныхъ занятій стеченію обстоятельствъ онъ могъ все время этого приготовленія провести сначала въ Аѳинахъ, а затѣмъ въ Италіи, Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ; участвуя въ Аѳинахъ въ занятіяхъ археологическихъ школъ и институтовъ разныхъ странъ, онъ усвоилъ себѣ въ совершенствѣ пріемы и методы археологическихъ изслѣдованій и посѣщеніе главныхъ музеевъ Европы дало ему возможность познакомиться не только по изданіямъ и снимкамъ, а по оригиналамъ съ наслѣдствомъ античнаго міра.

Какъ успѣшно использовалъ Б. В. это благопріятное стеченіе обстоятельствъ, объ этомъ свидѣтельствовали его подробные отчеты, представленные имъ въ факультетъ; я имѣлъ случай ихъ основательно изучить, такъ какъ вслѣдствіе отсутствія профессора А. А. Павловскаго въ заграничной командировкѣ мнѣ поручено было давать о нихъ отзывъ.

Послѣ возвращенія изъ этой болѣе чѣмъ двухгодичной поѣздки за границу Б. В. блестяще выдержалъ магистерскій экзаменъ и затѣмъ получилъ мѣсто секретаря Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Занимая это почетное мѣсто въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ здѣсь имѣлъ возможность, съ одной стороны, продолжать свои прежнія занятія по классической археологіи на весьма благопріятной для нихъ почвѣ, съ другой — расширить ихъ тѣмъ, что кругъ дѣятельности Института касался на первомъ мѣстѣ Византіи и ея памятниковъ. Кромѣ того онъ имѣлъ здѣсь случай при раскопкахъ Института въ Македоніи впервые самостоятельно примѣнять свои, до тѣхъ поръ болѣе теоретическія, познанія въ трудномъ искусствѣ, произвести раскопки и доказать свою полную приготовленность и въ этомъ дѣлѣ.

Такъ какъ Борисъ Владимировичъ, въ бытность секретаремъ Института, опубликовалъ уже рядъ цѣнныхъ изслѣдованій по разнымъ вопросамъ античнаго и византійскаго міра и подробные отчеты о раскопкахъ въ Македоніи, то совершенно естественно остановились на немъ, когда явилась потребность пригласить въ Императорскую Археологическую Коммиссію члена, который былъ бы спеціалистомъ по классическимъ древностямъ и могъ бы взять на себя задачу организовать и руководить систематическими раскопками въ Ольвіи, къ которымъ Коммиссія тогда рѣшила приступить. Всѣмъ извѣстно, что этотъ выборъ Коммиссіи вполнѣ оправдался и что Борисъ Владимировичъ, переселившись изъ Константинополя въ Петербургъ, завоевалъ себѣ здѣсь скоро почетное положеніе какъ ученый, какъ лекторъ и какъ организаторъ и руководитель археологическихъ изслѣдованій и изысканій.

Я счелъ умѣстнымъ предпослать этотъ краткій «curriculum vitae» своему отзыву объ ученыхъ трудахъ Бориса Владимировича, который Императорское Московское Археологическое Общество мнѣ поручило составить. Ибо изъ этихъ краткихъ данныхъ о жизненномъ пути Бориса Владимировича уже явствуетъ, какъ основательна была подготовка его къ ученой дѣятельности, при какихъ благопріятныхъ условіяхъ ему пришлось получить и закончить свое археологическое образованіе и какъ онъ всецѣло обязанъ своему рѣдкому трудолюбію и своей трудоспособности тѣмъ виднымъ положеніямъ, которыя онъ въ настоящее время занимаетъ.

Такимъ образомъ задача рецензента упрощается, и онъ можетъ при разборѣ весьма многочисленныхъ статей и трудовъ Бориса Владимировича быть сжатымъ и ограниченнымъ указаніемъ на самое важное и главное: вѣдь указанная блестящая научная подготовка, съ почетомъ и успѣхомъ занятыя должности и занимаемое въ настоящее время положеніе служатъ уже достаточнымъ доказательствомъ того, что научные труды Бориса Владимировича должны стоять на высокомъ уровнѣ. Поэтому нѣтъ надобности это выяснять еще спеціально при каждомъ отдѣльномъ случаѣ, при каждой его работѣ.

Труды Бориса Владимировича—полный и длинный списокъ ихъ при семъ прилагается въ концѣ настоящаго отзыва—распадаются на двѣ главныхъ категоріи: на труды, которые касаются вопросовъ античной археологіи въ широкомъ смыслѣ этого слова вообще, и на труды, которые спеціально посвящены памятникамъ древности, находимымъ у насъ на Югѣ Россіи. Хотя первая печатная работа Б. В. «Три керамическихъ фрагмента Одесскаго Музея» (въ XVI Томѣ З. О. О. И. и Д. 1893)—принадлежитъ къ этой высокой категоріи и служитъ какъ бы прелюдіей для длиннаго ряда работъ въ этой области, я въ виду удобства распредѣленія обильнаго матеріала начну свой обзоръ съ трудовъ первой группы.

Первой работою изъ этой группы является его изслѣдованіе о головѣ Эфеба въ Аѳинскомъ національномъ Музеѣ, напечатанное въ VIII томѣ Записокъ Импер. Русскаго Археологическаго Общества, С.-Пб., 1896, и одновременно на ново-греческомъ языкѣ.

Б. В. въ этой работѣ старается доказать, что эта голова произведенія извѣстнаго ваятеля Микона, и весьма тщательно группируетъ всѣ данныя, которыя говорятъ въ пользу этого его предположенія. Уже этотъ первый трудъ Б. В. показываетъ, что его авторъ въ совершенствѣ владѣетъ методомъ стилистическаго анализа и громадной начитанностью въ области классической археологіи.

Счастливый случай заставилъ Б. В. затѣмъ обратиться отъ изслѣдованія вопросовъ расцвѣта греческаго искусства къ его начальному періоду.

Однимъ румынскимъ путешественникомъ, вмѣстѣ съ которымъ Б. В. былъ въ Микенахъ, найденъ былъ при осмотрѣ развалинъ на полу мегарона дворца любопытный фрагментъ микенской стѣнной живописи; г. А—у предоставилъ его Борису Владимировичу для обработки и изданія; это обстоятельство подало Борису Владимировичу мысль, помимо краткой публикаціи этого фрагмента въ Revue archéologique (Paris 1894: «Un nouveau fragment de fresque mycénienne»), написать цѣнное изслѣдованіе о стѣнной живописи микенской эпохи (въ IX томѣ Записокъ Имп. Русскаго Археол. Общества, С.-Пб. 1897) и въ связи съ этимъ въ другой статьѣ, «Микена и Финикія» (въ XI томѣ Филологическаго Обозрѣнія, Москва 1896), разбирать вопросы о происхожденіи микенскаго искусства.

Послѣдняя работа вызвана была непосредственно нашумѣвшей тогда статьею извѣстнаго археолога Helbig'а, который весьма энергично отстаивалъ финикійское начало и финикійское вліяніе на древнѣйшее искусство Греціи. Б. В. подробно разбираетъ и опровергаетъ съ полнымъ основаніемъ эту теорію; эта критическая часть его работы имѣетъ и нынѣ еще значеніе — положительные выводы автора теперь, конечно, послѣ открытія критскихъ дворцовъ и результатовъ раскопокъ въ Кноссѣ, Фестосѣ, Гуркіи и т. д., устарѣли.

Живому интересу Бориса Владимировича къ новымъ находкамъ, къ обогащенію нашего археологическаго и литературнаго матеріала и къ сужденіямъ современныхъ ученыхъ о немъ обязаны мы тѣмъ, что въ концѣ девяностыхъ годовъ и въ первые годы XX столѣтія появился цѣлый рядъ статей и изслѣдованій автора по разнымъ вопросамъ исторіи древняго искусства и по археологіи. Такъ, Б. В. напечаталъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1898 статью «Вакхилидъ и античное искусство V вѣка» по поводу вновь найденныхъ стихотвореній этого греческаго поэта, въ XVI томѣ Филолог. Обозрѣнія (1899) статью «О надписяхъ на вазахъ съ *καλός, καλή*», въ которой обращается совершенно справедливо противъ только что выставленной теоріи Вульфа, будто эти эпитеты касались лишь подмастерьевъ и мальчиковъ, работающихъ на антическихъ вазовыхъ фабрикахъ, въ томъ же году замѣтку о «Терракотовыхъ саркофагахъ изъ Клазоменъ въ Оттоманскомъ музеѣ» по поводу вновь поступившихъ туда саркофаговъ, въ томъ же 1899 году изслѣдованіе о «Лесхѣ Книдянъ въ Дельфахъ» (въ IV томѣ Извѣстій Русскаго Археологич. Института въ Константинополѣ), вызванное результатомъ раскопокъ Французской Археолог. школы въ Дельфахъ. Въ этомъ изслѣдованіи Б. В. совершенно правильно выясняетъ, на основаніи плана этой Лесхи, что картины Полигнота могли быть помѣщены только на восточной и западной стѣнахъ этого зданія, и попутно распространяется о первоначальномъ значеніи слова «лесха» и назначеніи подобныхъ зданій, удачно опровергая въ томъ и другомъ случаѣ противоположныя мнѣнія другихъ ученыхъ.

Рядомъ съ этой ученой работой Б. В. въ тѣхъ же 1898 и 1899 годахъ имѣлъ случай, какъ секретарь Археолог. Института въ Константинополѣ, впервые выступить въ качествѣ руководителя и дѣятельнаго участника раскопокъ, организованныхъ Институтомъ, близъ Патели въ Македоніи. Его подробные отчеты, помѣщенные въ Извѣстіяхъ Института (Софія, 1899 и 1901) свидѣтельствуютъ о полной подготовленности его къ подобной отвѣтственной работѣ и отличаются аккуратностью и тщательностью наблюденій.

Непосредственнымъ результатомъ его дѣятельности въ качествѣ секретаря Арх. Института въ Константинополѣ являются дальше слѣдующія работы Бориса Владимировича: «Отчетъ объ экскурсіи въ М. Азіи въ 1899 году» (въ VI томѣ Извѣстій Института), рефератъ о новомъ воспроизведеніи мозаики Кахріэ-Джами (тамъ же), большое изслѣдованіе о «Византійскомъ пергаменномъ рукописномъ свиткѣ съ миніатюрами, принадлежащимъ Русс. Арх. Институту въ Константинополѣ» (также въ VI томѣ Извѣстій Института)—изслѣдованіе, которое показываетъ, что Борисъ Владимировичъ не менѣе знакомъ съ Византійскимъ искусствомъ и громадной о немъ литературою, чѣмъ съ Классическимъ, и въ совершенствѣ владѣетъ пріемами методическаго толкованія сюжетовъ миніатюръ и ихъ хронологическаго опредѣленія—и, наконецъ, пространный трактатъ о «Живописи въ Пальмирѣ», (VIII томъ Извѣстій Русс. Археолог. Института въ Константинополѣ), вызванный тѣмъ, что Константинопольскій Институтъ снарядилъ экскурсію въ Пальмиру въ 1900 году и привезъ оттуда многочисленные фотографіи, чертежи и акварельные рисунки. Этотъ богатый матеріалъ предоставленъ былъ Борису Владимировичу для обработки, и хотя фрески знаменитыхъ катакомбъ «Мегаретъ-Абу-Схейль» были уже нѣсколько разъ описаны и частью изданы—въ послѣдній разъ извѣстнымъ профессоромъ Стржиговскимъ въ 1901 году, за два года до появленія изслѣдованія Бориса Владимировича—эта обработка тщательно провѣреннаго матеріала дала много существенно новаго. На основаніи хорошихъ акварельныхъ рисунковъ, исполненныхъ художникомъ Клуге, Борисъ Владимировичъ могъ правильнѣе судить о стилѣ живописи, чѣмъ его предшественники; но главная и личная заслуга Бориса Владимировича въ этомъ изслѣдованіи заключается въ томъ, что онъ всесторонне обработалъ свой богатый матеріалъ, поставилъ его въ вѣрную связь съ общимъ художественнымъ развитіемъ эпохи и этимъ успѣлъ обосновать новую датировку росписи пещеры во II вѣкѣ по Р. Хр., а не въ III в., какъ ее опредѣлилъ Стржиговскій.

Къ названной группѣ работъ Бориса Владимировича, касающихся античнаго искусства въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова, относится дальше его изслѣдованіе о «Герѣ Поликлета» (Записки Классическаго Отдѣленія Имп. Русс. Археол. Общества, томъ I, 1912). Въ этой небольшой по объему,

по содержательной статьѣ. Б. В. подвергаетъ критикѣ попытки своихъ предшественниковъ усматривать въ томъ или другомъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ воспроизведеній Геры Поликлета; особенно ему пришлось при этомъ считаться съ догадкой Вальдштейна, старавшагося недавно передъ этимъ (въ «Journal of Hellenic Studies» 1901) доказать, что до насъ дошла копія статуи Поликлета въ мраморной головкѣ Британскаго музея № 140 и въ одной терракотовой головкѣ, найденной при раскопкахъ Американской школы въ Гереонѣ въ Аргосѣ. Б. В. исходитъ при разборѣ вопроса совершенно основательно отъ сравненія этихъ головъ съ дошедшими до насъ копіями со статуй дорифора и діадумена Поликлета, и опровергая путемъ стилистическаго анализа какъ мнѣніе Вальдштейна, такъ и догадки другихъ ученыхъ, устанавливаетъ, что статуарныхъ репликъ Геры Поликлета мы пока не знаемъ; о головѣ статуи мы можемъ только судить по аргосскимъ и элидскимъ монетамъ; но Б. В. лучше всего изъ всѣхъ элидскихъ монетъ передаетъ стиль Поликлета та, гдѣ надъ головою богини стоитъ надпись: «*Ἥρα*». Это утвержденіе Б. В. подкрѣпляетъ весьма вѣскими соображеніями.

Но самымъ крупнымъ трудомъ Бориса Владиміровича въ этой категоріи его работъ является его большое изслѣдованіе «Аттическая вазовая живопись» (С.-Пб. 1902). Этотъ трудъ, болѣе 600 страницъ большого формата съ указателемъ въ 250 страницъ, ставитъ себѣ цѣлью выяснить отношенія аттической вазовой живописи къ искусству монументальному въ эпоху непосредственно послѣ греко-персидскихъ войнъ и, такимъ образомъ, имѣетъ своимъ предметомъ исторію, главнымъ образомъ, красно-фигурной вазовой живописи строгаго стиля въ связи съ вопросомъ о вліяніи на нее твореній знаменитаго живописца Полигнота. Объ этомъ большомъ и цѣнномъ трудѣ я въ свое время — въ 1903 году — помѣстилъ пространную рецензію въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (отдѣлъ критики и библіографіи, стр. 184—220). Отсылая за подробностями къ этой рецензіи, я долженъ замѣтить, что я съ тѣхъ поръ въ общемъ не измѣнялъ своего сужденія объ этой книгѣ г. Фармаковскаго. Несмотря на указанные мною въ этомъ трудѣ недостатки историческаго метода г. Фармаковскаго и несовершенство нѣкоторыхъ изъ его критическихъ пріемовъ, я попрежнему считаю его трудъ, въ цѣломъ, весьма цѣннымъ обогащеніемъ нашей археологической литературы, главнымъ образомъ вслѣдствіе его удачной группировки аттическихъ красно-фигурныхъ вазъ, добытой имъ на основаніи умѣлаго и тонкаго стилистическаго анализа.

Той же тонкостью стилистическаго анализа отличается и послѣдняя статья г. Фармаковскаго изъ до сихъ поръ разсмотрѣнной категоріи его работъ—его публикація портретной головы изъ Фаюма изъ «Собранія Голенищева» (въ I томѣ «Памятниковъ Московскаго Музея Изящныхъ Искусствъ»,

Москва 1912 г.): Борисъ Владимировичъ показываетъ въ этой маленькой по объему, но дѣльной статьѣ свое основательное знакомство съ обширной литературой о портретномъ искусствѣ въ древности вообще и, въ частности, о знаменитыхъ Фаюмскихъ портретахъ, и вполнѣ правильно опредѣляетъ мѣсто, занимаемое опубликованной имъ головой, среди этой группы древнихъ памятниковъ.

Но рядомъ съ этими занятіями изъ всѣхъ областей античнаго искусства, Борисъ Владимировичъ съ самаго начала своей научной дѣятельности посвящалъ себя, какъ и подобаетъ русскому археологу, спеціально изученію памятниковъ античнаго міра, находимыхъ у насъ на Югѣ Россіи. Въ этой области его заслуги у насъ такъ извѣстны, что я могу ограничиться немногими указаніями.

Первая печатная работа Бориса Владимировича (въ XVI томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, 1893) имѣетъ своимъ предметомъ три керамическихъ фрагмента, найденныхъ въ нашихъ греческихъ колоніяхъ и хранящихся въ Одесскомъ Музеѣ. Одинъ изъ этихъ фрагментовъ — кусокъ извѣстнаго расписного каноара совмѣстной работы художника Эпиктета и мастера Никосоена даетъ Борису Владимировичу поводъ распространиться относительно вопроса о возникновенія красно-фигурнаго стиля въ аттической вазовой живописи, другой фрагментъ — весьма изящной работы — изображеніе верхней части туловища юноши съ надписью «*Λῆμος-καλός*», заставляетъ автора разбирать вопросъ о значеніи подобныхъ приписокъ и доходить до результата, что въ этой вазовой картинкѣ мы должны усматривать портретъ извѣстнаго аѳинскаго красавца, ровесника Алкивіада. Сомнѣваюсь, что бы Борису Владимировичу удалось защитить всѣ высказанныя въ этой работѣ положенія — но для первой работы начинающаго молодого ученаго она имѣетъ свои несомнѣнныя заслуги и показываетъ, что ея авторъ выступаетъ въ полномъ вооруженіи знанія подходящей литературы, если и въ методическомъ отношеніи еще замѣтны слѣды извѣстнаго, хотя и простительнаго и понятнаго, увлеченія. Вторая печатная работа Бориса Владимировича, — его обстоятельная рецензія моей статьи «Вновь найденная лекана съ изображеніемъ Діонисова тіаса (въ X томѣ Филог. Обозрѣнія, Москва, 1896): и эта рецензія доказываетъ, что Борисъ Владимировичъ уже тогда могъ приступить къ обсужденію научныхъ вопросовъ изъ области южно-русской археологіи съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ большимъ интересомъ къ разбираемой проблемѣ и, что особенно отрадно и важно отмѣтить, съ самостоятельнымъ сужденіемъ.

Этотъ 1896 г., въ которомъ издана имъ указанная рецензія, является знаменательнымъ въ научной жизни и въ научномъ развитіи Бориса Владимировича. Ему тогда впервые были поручены Импер. Арх. Коммиссіей

раскопки въ многострадальной Ольвіи: правда, еще не систематическія, научныя раскопки, а какъ бы случайныя, все же Борисъ Владимировичъ тогда въ первый разъ ознакомился съ полемъ его будущей главной дѣятельности. Его раскопки касались тогда главнымъ образомъ некрополя эллинистическаго періода и дали, какъ свидѣтельствуетъ его краткій отчетъ, изданный въ Отчетѣ Коммиссіи въ 1898 г., нѣсколько любопытныхъ, хоть и не особенно важныхъ или новыхъ результатовъ. Взяться за систематическое изслѣдованіе Ольвіи суждено было Борису Владимировичу только черезъ пять лѣтъ, съ 1901 г. Послѣ того, какъ я на Кіевскомъ Съѣздѣ возбудилъ вопросъ о необходимости научнаго, систематическаго изученія Ольвіи и въ особомъ докладѣ, напечатанномъ тогда въ Запискахъ Одесскаго Общества, могъ указать на цѣнность находокъ, сдѣланныхъ при хищническихъ раскопкахъ въ голодный 1899 г. въ Ольвіи и на массу погибшаго и испорченнаго при этихъ раскопкахъ научнаго матеріала, вопросъ о правильныхъ раскопкахъ въ Ольвіи былъ поставленъ Коммиссіею на очередь, и состоялась, наконецъ, извѣстная сдѣлка между Импер. Арх. Коммиссіею и владѣльцемъ имѣнія Парутина (Ольвія) графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ. Осталось только найти руководителя для этой большой и отвѣтственной задачи.

Заслуга предсѣдателя Имп. Арх. Коммиссіи, графа А. А. Бобринскаго, что его выборъ палъ на тогдашняго секретаря Археологическаго Института, Бориса Владимировича. Тринадцатилѣтній опытъ показалъ, что этимъ надлежащій человѣкъ былъ поставленъ на надлежащее мѣсто. Если бы Борисъ Владимировичъ и не написалъ ни одной строки и не былъ авторомъ многихъ цѣнныхъ трудовъ и изслѣдованій, то все-таки его имя было бы неразрывно связано съ исторіею археологіи въ Россіи тѣмъ, что онъ сдѣлалъ своими раскопками въ Ольвіи и для Ольвіи. У насъ обыкновенно еще не умѣютъ цѣнить всю важность устроенныхъ и проведенныхъ по строго научнымъ принципамъ раскопокъ, не умѣютъ и надлежащимъ образомъ выяснить себѣ всю трудность такой работы, при которой малѣйшее опущеніе можетъ имѣть гибельное вліяніе на возможность установленія правильныхъ выводовъ и при которой требуются въ высшей степени аккуратность, напряженное вниманіе, наблюдательность и способность, смотря по обстоятельствамъ скоро распоряжаться, отказаться въ силу неожиданныхъ открытій отъ предначертаннаго плана, замѣнять его другимъ — однимъ словомъ, приспособляться къ положенію дѣлъ и господствовать надъ нимъ. Конечно, всѣ эти требованія могутъ казаться излишними или преувеличенными, если рѣчь идетъ о разрытіи могильника или несложнаго по своему составу некрополя: но ихъ надо неминуемо предъявлять, когда ставится такая сложная задача, какъ раскопка цѣлаго города съ многовѣковой культурной жизнью, и различными системами укрѣпленій и т. д. Можно быть

отличнымъ ученымъ и заслуженнымъ археологомъ и все-таки не умѣть справиться съ подобной задачею: вѣдь Забѣлинъ и баронъ Тизенгаузенъ — лица, передъ заслугами которыхъ я низко преклоняюсь — безрезультатно работали въ Ольвіи. Впрочемъ, не въ укоръ имъ это будетъ сказано, и съ точки зрѣнія науки, я эту безрезультатность даже считаю счастіемъ. Положимъ на минуту, проведенныя ими траншеи пошли бы до настоящей глубины и они наткнулись бы на открытую Борисомъ Владимировичемъ импозантную стѣну и башни, подъ которыми всего на нѣсколько футовъ прошли ихъ траншеи, то результатомъ этого открытія явился бы тотъ, что нѣсколько десятками лѣтъ раньше взялись бы за раскопку Ольвіи. Спасли бы несомнѣнно много древностей, съ 1873 г. (года раскопки барона Тизенгаузена), погибшихъ при хищническихъ раскопкахъ, но такъ же несомнѣнно больше погубили бы, чѣмъ спасли бы, ибо методъ научнаго копанія, и теперь еще у насъ, къ сожалѣнію, мало распространенный, тогда былъ вполнѣ неизвѣстенъ, и можно навѣрное сказать, что установленныхъ г. Фармаковскимъ періодовъ строительства въ Ольвіи оставались бы намъ неизвѣстными и нельзя было бы написать и выяснить исторію города и его судьбы по наслоеніямъ его остатковъ. Большая и вѣчная заслуга Бориса Владимировича въ томъ, что онъ, усвоивъ себѣ еще во время своего пребыванія въ Греціи подъ руководствомъ Дерпфельда главнымъ образомъ, но и директоровъ другихъ Археологическихъ Институтовъ, необходимыя техническія и методическія свѣдѣнія въ наукѣ и искусствѣ раскопокъ, приложилъ эти свѣдѣнія на дѣлѣ въ Ольвіи, расширилъ и усовершенствовалъ ихъ долголѣтнимъ опытомъ и постоянной практикой, такъ что въ концѣ концовъ выработалъ себѣ пріемы изслѣдованія остатковъ строеній и способъ регистраціи найденныхъ предметовъ, которые можно назвать въ высшей степени совершенными. Стоитъ побывать въ Ольвіи и подъ его руководствомъ изучить исторію города въ его различныхъ наслоеніяхъ, чтобы убѣдиться въ важности здѣсь сказаннаго.

Подобно Эвансу въ Кноссѣ на Критѣ, Борисъ Владимировичъ имѣетъ обыкновеніе ежегодно публиковать весьма подробные отчеты о своихъ раскопкахъ въ Ольвіи. Эти отчеты, изданные по большой части въ Извѣстіяхъ Импер. Арх. Коммиссіи, начиная съ 1901 г. по 1913 г., составляютъ уже цѣлую библіотеку и благодаря приложеннымъ снимкамъ, планамъ и спискамъ найденныхъ предметовъ отлично оріентируютъ спеціально интересующихся о ходѣ работы; правда, эта ежегодная публикація отчетовъ имѣетъ неизбѣжно и свою обратную сторону: результаты и наблюденія при раскопкахъ послѣдующихъ годовъ нерѣдко показываютъ, что выводы, сдѣланные изъ данныхъ, добытыхъ въ прежніе годы, подлежатъ измѣненіямъ или явились поспѣшными и не вполнѣ обоснованными; въ виду этого слѣдуетъ только привѣт-

ствовать, что Борисъ Владимировичъ дополнилъ и расширилъ свой докладъ, читанный на Международномъ Съѣздѣ въ Каирѣ, и издалъ въ 33 томѣ Извѣстій Импер. Археол. Коммиссіи (С.-Пб. 1909) хорошо оріентирующую статью о ходѣ работы въ Ольвіи и ея результатахъ подъ заглавіемъ «Olbia, fouilles et trouvailles 1901—1908 г.». Кромѣ этихъ общихъ подробныхъ отчетовъ Борисъ Владимировичъ распространился еще въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ объ отдѣльныхъ памятникахъ, открытыхъ имъ во время раскопокъ. Къ такимъ работамъ принадлежитъ его статья о склепѣ Евресивія и Ареты (Извѣст. Им. Арх. Ком., вып. II, С-Пб. 1902), который имъ образцово раскопанъ и изученъ (тѣ пункты, въ которыхъ я съ Б. В. не могу согласиться въ этой статьѣ, подробно указаны мною въ Запискахъ Одесскаго Общества XXV № 347, 119—121) и его подробное изслѣдованіе объ Ольвійской статуэткѣ Аѳины (въ Извѣст. Им. Арх. Коммиссіи, вып. XIV, С.-Пб. 1905, и вып. XVII, С-Пб. 1905): въ этой статуэткѣ онъ усматриваетъ реплику Аѳины-дѣвы Фидія, сдѣланную еще въ концѣ IV вѣка до Р. Хр.: путемъ детальнаго сравнительнаго анализа онъ старается доказать, что эта реплика выясняетъ нѣкоторыя детали оригинала Фидія и что ея изготовитель, въ сравненіи съ авторомъ Варвакійской статуэтки, прочувствовалъ оригиналъ и не является только сухимъ копіистомъ. Эти положенія г. Фармаковскій защищаетъ съ извѣстнымъ увлеченіемъ во второй изъ названныхъ статей (въ XVII вып. Извѣст.), въ которой полемизируетъ противъ мнѣнія господина Вальдгауера, выставившаго относительно Ольвійской статуэтки расходящуюся съ мнѣніемъ Бориса Владимировича теорію. Памятникамъ античной культуры, найденнымъ въ Россіи, посвященъ еще цѣлый рядъ мелкихъ статей Бориса Владимировича: таковы «Рѣзной камень римской работы изъ Черниговской губерніи»; «Бронзовая вставная ручка изъ Екатеринославской губерніи» (Извѣстія Им. Арх. Коммиссіи III, С.-Пб. 1912); «Обломки статуэтки сатира изъ Керчи» (Записки Импер. Одесск. Общества, томъ XXX, Одесса 1912); «Обломокъ рельефа глиняной чаши изъ Ольвіи» (Извѣстія Импер. Арх. Коммиссіи, XII, С.-Пб. 1912 г.); «О времени сосуда, найденнаго въ одной могилѣ съ костяными тессерами, изданными М. И. Ростовцевымъ» (Извѣстія Импер. Арх. Коммиссіи X, С.-Пб. 1914) и т. д. Остановиться подробнѣе на всѣхъ этихъ работахъ здѣсь нѣтъ надобности: достаточно отмѣтить, что всѣ онѣ написаны съ полнымъ знаніемъ дѣла и что онѣ выясняютъ ту или иную интересную сторону античной жизни и античной культуры на нашемъ Югѣ.

Изъ числа работъ Бориса Владимировича, занимающихся нашими южно-русскими древностями, имѣетъ особое значеніе и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія его крупное изслѣдованіе о «Золотыхъ обивкахъ налучій изъ Ильинецкаго и Чертомлыцкаго кургановъ» (Сборникъ въ честь

графа А. А. Бобринскаго, С.-Пб. 1911). Въ этомъ изслѣдованіи Борисъ Владимировичъ не только впервые достойнымъ образомъ обнародываетъ эти знаменитые памятники античнаго художественнаго ремесла, съ тонкимъ чутьемъ выясняетъ взаимоотношенія этихъ двухъ налучій и съ полнымъ знаніемъ дѣла анализируетъ и толкуетъ изображенныя на этихъ обивкахъ сцены, но и предлагаетъ на основаніи своего художественнаго и стилистическаго анализа совершенно новую датировку этихъ памятниковъ и, въ зависимости отъ этого, самихъ кургановъ. По мнѣнію Бориса Владимировича Ильинецкій, Чертомлыцкій и — послѣдовательно — и Карагодеуахскій и другіе курганы (срв. также его статью въ 50 № Извѣстій Таврической Ученой Коммиссіи 1913) — должны быть датируемы не концомъ IV и началомъ III вѣка до Р. Хр., какъ до сихъ поръ обыкновенно полагали, а II вѣкомъ до Р. Хр. Отдавая все должное и остроумію автора и тонкости его художественнаго анализа, я, какъ историкъ, долженъ замѣтить, что я пока не могъ убѣдиться въ вѣрности и необходимости этой новой датировки. Какъ ни скудны наши свѣдѣнія объ историческихъ судьбахъ Юга Россіи, все-таки же съ достаточной точностью выяснено, что самый большой матеріальный и культурный расцвѣтъ этой житницы тогдашняго міра падаетъ на конецъ IV и первую половину III вѣка, между тѣмъ какъ во II вѣкѣ въ силу разныхъ политическихъ осложненій, передвиженія племенъ, появленія новыхъ элементовъ населенія на границахъ Босфорскаго царства, военныхъ событій въ Македоніи и Малой Азіи и Югъ Россіи переживаетъ значительный кризисъ, періодъ несомнѣнно матеріальнаго и государственнаго упадка. Весьма трудно поэтому допустить, чтобы эти великолѣпные курганы съ своимъ богатымъ содержаніемъ были сооружены какъ разъ во время этого застоя и упадка, и чтобъ мы, наоборотъ, изъ временъ наивысшаго матеріальнаго процвѣтанія не имѣли памятниковъ, соотвѣтствующихъ подъему эпохи.

Мнѣ кажется, что Борисъ Владимировичъ при своемъ разборѣ вопроса о датировкѣ этихъ кургановъ слишкомъ мало считался съ этими общеисторическими соображеніями и слишкомъ преувеличилъ значеніе чисто художественно-стилистическихъ моментовъ: наши познанія художественнаго развитія и стиля времени эллинизма въ III и II вѣкѣ не такъ тверды и безъ пробѣловъ, что на основаніи ихъ обѣихъ можно установить вполнѣ точныя грани для каждаго вѣка. Но повторяю, это мое сомнѣніе въ вѣрности предложенной Борисомъ Владимировичемъ новой датировки нашихъ кургановъ такъ же мало мѣшаютъ мнѣ, какъ въ свое время мое возраженіе противъ исторической части его изслѣдованія объ аттической вазовой живописи, признать всю важность и тонкость его любопытнаго изслѣдованія. Правъ или неправъ Борисъ Владимировичъ относительно опредѣленія времени этихъ памятниковъ, выяснится еще въ будущемъ. Но если бы онъ, какъ я по-

лагаю, оказался и неправымъ, отъ этого не умалится заслуга его работъ, которая заключается, по-моему, помимо уже указанныхъ положительныхъ сторонъ, именно въ томъ, что онъ здѣсь ставилъ новой вопросъ, новую проблему, которая должна дать толчокъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, къ новому и всестороннему обсужденію отдѣльныхъ фазъ культурной жизни на нашемъ Югѣ.

Въ заключеніе своего краткаго разбора ученыхъ трудовъ и заслугъ Бориса Владиміровича считаю необходимымъ отмѣтить, что Борисъ Владиміровичъ ужъ въ продолженіе многихъ лѣтъ взялъ на себя весьма полезную и вовсе не легкую задачу — знакомить ученый міръ Запада съ результатами раскопокъ въ Россіи. Съ 1904 года до настоящаго времени онъ помѣщалъ въ «Archaeologischen Anzeiger» въ «Jahrbuch des Kaiserl, archaeol. Institutes» въ Берлинѣ (томъ XIX—XXVII, 1904—1913) подъ рубрикой «Archaeologische Funde in Russland», сжатые, но весьма дѣльные отчеты о ходѣ работъ и о случайныхъ находкахъ въ Россіи, и я знаю изъ словъ весьма многихъ спеціалистовъ въ Германіи, Франціи, Англіи, какъ высоко цѣнятся ими эти умѣлые обзоры, составленные съ полнымъ господствомъ надъ сырымъ матеріаломъ.

Подводя итоги изложенному, я долженъ сказать, что Борисъ Владиміровичъ очень много успѣлъ сдѣлать въ области разработки классической археологіи вообще, а въ частности, въ области выясненія и открытія древнихъ памятниковъ, находимыхъ въ Россіи. Еще большаго можно отъ него ожидать въ будущемъ, такъ какъ онъ въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ и его удивительная трудоспособность съ каждымъ годомъ еще увеличивается. Мнѣ поэтому казалось бы вполнѣ справедливымъ, еслибъ Императорское Московское Археологическое Общество по поводу празднованія своего пятидесятилѣтняго юбилея нашло возможнымъ отмѣтить многополезную дѣятельность Бориса Владиміровича Фармаковскаго на нивѣ археологіи присужденіемъ ему золотой медали.

Э. фонъ Штернъ.

1) Три керамическихъ фрагмента Одесскаго музея Имп. Общества Исторіи и Древности (въ XVI т. Записокъ Одесскаго Общества, Одесса 1893.

2) Рецензія на соч. Э. Р. фонъ Штерна: «Вновь найденная лекана съ изображеніемъ Діонисова тіасса» (въ X т. Филологич. Обозрѣнія), Москва 1896.

3) Отчетъ о раскопкахъ въ Ольвіи и на о. Березани въ 1896 г. (въ Отчетѣ Имп. Арх. Коммиссіи за 1896 г.). С.-Пб., 1898.

4) Голова эфеба въ аѳинскомъ національномъ музеѣ (въ VIII т. Записокъ Имп. Русскаго Археологич. Общества), С.-Пб., 1896.

5) Микены и Финикія (въ XI т. Филологич. Обозрѣнія), Москва, 1896.

6) Стѣнная живопись микенской эпохи (въ IX т. Записокъ Имп. Русск. Археологич. Общества). С.-Пб., 1897.

7) Вакхилидъ и аттическое искусство V вѣка (въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.). С.-Пб., 1898.

8) Надписи на вазахъ съ καλός, καλή (въ XVI т. Филологич. Обозрѣнія), Москва, 1899.

9) Лесха Книдянъ въ Дельфахъ (въ IV т. Извѣстій Русск. Археологич. Института въ К-лѣ), София 1899.

10) Византійскій пергаменный рукописный свитокъ съ миніатюрами, принадлежащій Русскому Археологич. Института въ К-лѣ (въ VI т. Извѣстій Института), Софія, 1901.

11) О терракоттовыхъ саркофагахъ изъ Клазоменъ въ Оттоманскомъ музеѣ (въ IV т. Извѣстій Института въ К-лѣ), Софія, 1899.

12) Раскопки Русск. Археологич. Института близъ Пателн (Македонія) въ 1898 г. (тамъ же).

13) Экскурсія въ М. Азію въ 1899 г. (въ VI т. Извѣстій Института въ К-лѣ), Софія, 1901.

14) Раскопки въ Пателн въ 1899 г. (тамъ же). Софія, 1901.

15) Новыя воспроизведенія мозаики Кахріэ-Джами (тамъ же), Софія, 1901.

16) Объ одной архаической бронзѣ Русск. Археологич. Института въ К-лѣ (Извѣстія Института, VII), Софія, 1902.

17) Гера Поликлета (въ I т. Записокъ Классич. Отдѣл. Имп. Русск. Археологич. Общества), С.Пб., 1901.

18) Рѣзной камень римской работы изъ Черниговской губ. (Извѣстія Имп. Археологич. Коммиссіи, III), С.-Пб., 1901.

19) Бронзовая вотивная ручка изъ Екатеринославской губ. (тамъ же). С.-Пб., 1901.

20) Аттическая вазовая живопись и въ отношеніи къ искуству монументальному въ эпоху непосредственно послѣ греко-персидскихъ войнъ, С.-Пб., 1902.

21) Живопись въ Пальмирѣ (въ VIII т. «Извѣстій Русск. Археол. Института въ К-лѣ).Софія, 1903.

22) Обломокъ рельефа глиняной чаши изъ Ольвіи (Извѣстія Имп. Археологич. Коммиссіи, II С.-Пб., 1902.

23) Склепъ Еврисивія и Ареты въ Ольвіи, (тамъ же), С.-Пб., 1902.

24) Раскопки въ Ольвіи въ 1901 г. (въ VIII т. Извѣстій Имп. Археологич. Коммиссіи).

25) О времени сосуда, найденнаго въ одной могилѣ съ костяными тессерами, изд. М. И. Ростовцевымъ (тамъ же, т. X), С.-Пб., 1904.

26) Ольвійская статуэтка Аѳины (въ XIV т. Извѣстій Имп. Археол. Коммиссіи), С.-Пб., 1905.

27) Еще объ ольвійской статуэткѣ Аѳины (въ XVII т. Извѣстій Имп. Археологич. Коммиссіи. С.-Пб., 1905.

28) Раскопки въ Ольвіи въ 1902—1903 гг. (XIII т. Извѣстій Имп. Археологич. Коммиссіи),

29) Ольвія (въ дополнит. томѣ Энцикл. Слов. Брокгауза-Ефрона), С.-Пб., 1906.

30) А. Футвенглеръ, некрологъ (въ II т. Гермеса), С.-Пб., 1908.

31) Рецензія на атласъ по исторіи античнаго искусства А. А. Павловскаго (въ IV т. Гермеса). С.-Пб., 1909.

32) Второй международный Археологич. Конгрессъ въ Каирѣ (въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. С.-Пб., 1910.

33) Золотая обивка налучій изъ Ильинецкаго и Чертомлыцкаго кургановъ (въ Сборникѣ въ честь гр. А. А. Бобринскаго), С.-Пб., 1911.

34) Ольвійскія древности изъ коллекціи П. Ф. Романченко въ С.-Пб. (Извѣстія Имп. Археологич. Коммиссіи, т. XLII), С.-Пб., 1911.

35) Портретъ изъ Фаюма изъ собранія Голенищева (въ I т. Памятниковъ Московскаго Музея Изящныхъ Искусствъ), Москва, 1912.

36) Ольвійскія раскопки въ 1904—1910 гг. (въ Отчетахъ Имп. Археологич. Коммиссіи за эти года), С.-Пб., 1907—1913.

37) Обломокъ статуэтки сатира изъ Керчи (въ XXX т. Записокъ Имп. Одесск. Общества Исторіи и Древностей). Одесса, 1912.

38) Новѣйшая датировка Карагодеуашхскаго кургана (въ 50 т. Извѣстій Таврич. ученой Архивной Коммиссіи), Симферополь, 1913.

39) Редакція перевода книги Ф. Іихтенберга, «Доисторическая Греція», введеніе и примѣчанія.

40) Un nouveau fragment de fresque mycénienne (въ Revue archéologique), Paris, 1894.

41) *Κεφαλὴ Ἐφήβου ἐκ τοῦ ἐν Ἀθήναις Ἐθνικοῦ Μουσείου. Ἀθῆναι* 1896 (въ *Ἐφημ. ἀρχαιολογική*).

42) Olbia, fouilles et trouvailles 1901—1908, St. Pétersbourg 1909 (въ XXXIII т. Извѣстій Имп. Археологич. Коммиссіи).

43) Archäologische Funde in Russland 1903—1912 [Archäologische Anzeiger, XIX (1904)—XXVIII (1913)].

V.

Ученыя заслуги М. И. Ростовцева.

Одною изъ основныхъ задачъ русской археологической науки является изученіе памятниковъ античной культуры, находящихся на нашемъ Черноморскомъ побережьѣ, на мѣстѣ греческихъ и римскихъ колоній. Интересъ и вниманіе эти памятники стали привлекать издавна, едва ли не сейчасъ же послѣ присоединенія Крыма къ Россіи. Но въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX вѣка ознакомленіе съ этими памятниками носило, въ большинствѣ, характеръ случайный и дилетантскій. Лишь съ основаніемъ спеціальныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій археологическое обслѣдованіе нашего юга приняло болѣе систематическій и планомѣрный характеръ. Къ 50-мъ годамъ истекшаго столѣтія относится появленіе такого капитальнаго труда, какъ «Изслѣдованія о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря» основателя Московскаго Археологическаго общества графа А. С. Уварова. Съ этого времени и по наши дни идетъ плодотворная работа въ области изученія южно-русскихъ древностей, работа, далеко еще не исчерпанная, а, наоборотъ, дающая все новый и новый драгоцѣнный матеріалъ. Раскопки Ольвіи, Херсонеса, Пантикапея, Танаисовъ, цѣлаго ряда скиѳо-сарматскихъ кургановъ уже обогатили наши музеи такими шедеврами, какимъ могутъ позавидовать лучшіе музеи Западной Европы. Но далеко еще не все дано, не все еще открыто: каждая новая раскопка неумолимо побуждаетъ къ раскопкамъ дальнѣйшимъ. На ряду съ работой практической, систематикой раскопокъ идетъ и работа изслѣдовательская, тщательный анализъ и изученіе добытыхъ научныхъ богатствъ. Эта важная и отвѣтственная работа съ честью выполняется русскими учеными, къ авторитетнымъ выводамъ которыхъ, нерѣдко представляющимъ широкій обще-историческій интересъ, внимательно прислушиваются западные ученые. Но врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что обиліе матеріала значительно превосходитъ наличность ученыхъ изслѣдователей. Весьма многое изъ добытаго матеріала лежитъ совсѣмъ безъ движенія, еще не входитъ въ общій научный обиходъ. И сейчасъ легче перечислить то, что не исполнено, нежели отмѣчать уже выполненное.

Тѣмъ значительнѣе и цѣннѣе становится работа изслѣдователей, посвятившихъ свои силы и знанія изученію нашихъ южно-русскихъ древностей, особенно тѣхъ изслѣдователей, которые, благодаря своей эрудиціи и таланту, могутъ ставить и рѣшать новыя проблемы.

За самое послѣднее время замѣтно оживленіе въ области классической археологіи юга Россіи. Все прибывающій обильный матеріалъ, съ одной

стороны, необходимость пересмотра многаго изъ стараго матеріала во всеоружіи новѣйшихъ научныхъ данныхъ, съ другой стороны — вызвали и вызываютъ появленіе новыхъ работъ. Результаты этихъ работъ начинаютъ входить въ общую исторію античной культуры, которую уже нельзя теперь строить безъ русскаго археологическаго матеріала, представляющаго весьма часто всемірно-историческій интересъ. Въ рядѣ новѣйшихъ и авторитетнѣйшихъ изслѣдователей классическихъ древностей юга Россіи одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ дѣйствительный членъ нашего Общества, профессоръ Императорскаго Петроградскаго Университета Михаилъ Ивановичъ Ростовцевъ.

М. И. Ростовцеву принадлежитъ уже цѣлый рядъ капитальныхъ работъ по южно-русской археологіи; по его же планамъ и заданіямъ можно ожидать отъ него также цѣлый рядъ работъ дальнѣйшихъ. Историкъ и классическій филологъ по своей спеціальности, М. И. Ростовцевъ мастерски примѣняетъ свою исключительную по широтѣ и детальности эрудицію къ изученію древнихъ памятниковъ, подходя къ нимъ съ широкой культурно-исторической точки зрѣнія. Этимъ, однако, мы вовсе не хотимъ сказать, чтобъ имъ не принималось во вниманіе чисто-археологическое изученіе матеріала. Наоборотъ, и этого рода обслѣдованіе производится весьма тщательно и обстоятельно. Примѣненіе же сравнительной точки зрѣнія и привлеченіе обширнаго сходнаго матеріала даютъ возможность изслѣдователю многое истолковать и освѣтить совершенно заново.

Спеціальные научные интересы М. И. Ростовцева сосредоточиваются въ области изученія эллинизма и римской имперіи. Исторія эллинистической и римской культуры въ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ и по ея главнѣйшимъ памятникамъ — вотъ широкій охватъ научныхъ интересовъ Ростовцева. Видное мѣсто въ своихъ трудахъ М. И. Ростовцевъ отводитъ экономической исторіи древности. Здѣсь особенно слѣдуетъ отмѣтить его магистерскую диссертацію «Исторія государственнаго откупа въ Римской имперіи», С.-Петербургъ 1899 (и по-нѣмецки «Geschichte der Staatspacht in der römischen Kaiserzeit», 1901), обширное изслѣдованіе «Studien zur Geschichte des römischen Kolonates», 1910, и докторскую диссертацію «Римскія свинцовыя тессеры», С.-Петербургъ 1903 (и по-нѣмецки «Römische Bleitesserae, 1905). Въ первой изъ этихъ работъ Ростовцевъ даетъ исторію государственнаго откупа въ римской имперіи отъ Августа до Діоклетіана. Работа, основанная на детальнѣйшемъ изученіи матеріала, представляетъ большой интересъ и значеніе для хозяйственной исторіи античности. Весьма любопытны главы, трактующія объ организаціи откупа въ Птолемеевскомъ Египтѣ, о государственныхъ и императорскихъ рудникахъ, объ императорскихъ saltus'ахъ и императорскихъ домэнахъ въ Египтѣ, о формахъ откупа и societas pub-

licanorum въ императорское время. Вышедшее на нѣмецкомъ языкѣ изслѣдованіе о колонатѣ представляетъ громадный томъ въ 432 стр. Эта работа русскаго ученаго является въ настоящее время лучшимъ и основнымъ трудомъ по исторіи колоната. Какъ много ни писалось по исторіи крѣпостныхъ держаній въ римской имперіи, до появленія книги Ростовцева не было, въ сущности, исчерпывающаго изслѣдованія въ этой области. Только съ появленіемъ въ свѣтъ «Studien zur Geschichte des römischen Kolonates» этотъ пробѣлъ пополнился. Ростовцевымъ привлеченъ колоссальнѣйшій матеріалъ, проявлена совершенно исключительная эрудиція, даны незабываемые образцы методовъ изученія источниковъ. Совершенной новизной отличаются главы, посвященныя поземельнымъ отношеніямъ въ эллинистическомъ и римскомъ Египтѣ. Здѣсь авторъ широко использовалъ новѣйшія папирологическія открытія и смѣлой рукой начерталъ картину египетскихъ земельныхъ отношеній, достаточно сложныхъ и запутанныхъ. И въ главѣ о колонатныхъ отношеніяхъ въ Римской Африкѣ, казалось бы такъ хорошо изученныхъ цѣлымъ рядомъ французскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ, М. И. Ростовцевъ сумѣлъ сказать свое, авторитетное и вѣское слово. Достаточно сравнить изслѣдованіе Ростовцева съ новѣйшей работой о колонатѣ Болкенштейна или съ книгами по исторіи крупнаго землевладѣнія въ римской имперіи Бодуэна и Шультена, чтобы убѣдиться, насколько превосходитъ ихъ трудъ русскаго ученаго. Пусть отдѣльныя мысли и положенія, высказанныя Ростовцевымъ, вызываютъ возраженія[1], какъ вызывала возраженіе и его первоначальная теорія о происхожденіи колоната, во всякомъ случаѣ его «Studien» навсегда останутся капитальнѣйшимъ трудомъ по исторіи поземельныхъ отношеній и крѣпостного держанія въ римской имперіи со всѣми ихъ антецедентами. Къ сожалѣнію, трудъ Ростовцева не появился на русскомъ языкѣ: съ главнѣйшими выводами своего изслѣдованія, авторъ познакомилъ въ своей статьѣ «Римскій колонатъ», появившейся въ январской и февральской книжкахъ журнала «Современнаго Міра» за 1912 г. Колонату посвящены также статьи Ростовцева: «Der Ursprung des Kolonates» («Beiträge zur alten Geschichte», B. I), «Kolonat» (Handwörterbuch der Staatswissenschaften». B. V), «Колонатъ» («Нов. Энцикл. Словарь»), «Conductor» (въ Ruggiero Dizionario Epigrafico).

На ряду съ изученіемъ колонатныхъ отношеній М. И. Ростовцевъ занимался и другими вопросами экономической исторіи эллинистическаго міра. Особаго вниманія заслуживаютъ его работы, касающіяся строя большихъ помѣстій и хозяйственныхъ отношеній въ греко-римскомъ Египтѣ. Глав-

[1]) См. ср. интересныя замѣчанія В. В. Струве въ его статьѣ о поземельныхъ отношеніяхъ въ Птолемеевскомъ Египтѣ («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1915, 1).

нѣйшія изъ этихъ работъ: «Die Kaiserliche Patrimonial-Verwaltung in Aegypten» («Philologus», 1898), «Die Domänenpolizei in der römischen Kaiserzeit («Philologus», 1905), «Die Domäne von Pogla» («Jahresheften des Oesterreichischen Archäologischen Institutes», 1901), «Die Kornerhebung und Transport im griechisch-römischen Aegypten» («Archiv für Papyrusforschung», 1904). Къ этому циклу работъ примыкаютъ и обширныя рецензіи Ростовцева на новыя изслѣдованія въ области экономическихъ отношеній Птолемеевскаго и римскаго Египта: эти рецензіи, всегда обнаруживающія тонкое знаніе источниковъ (включая всѣ новѣйшія папирологическія публикаціи) и литературу предмета, представляютъ нерѣдко небольшія контръ-изслѣдованія съ очень существенными и оригинальными выводами. Отмѣтимъ отзывы о работахъ русскаго ученаго М. М. Хвостова, — объ его магистерской диссертаціи «Исторія восточной торговли въ греко-римскомъ Египтѣ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1907 г., 10; см. ср. нѣмецкую статью «Zur Geschichte des Ost-und Südhandels im ptolemäisch-römischen Aegypten» въ «Archiv für Papyrusforschung» 1908) и о докторской диссертаціи «Очерки организаціи промышленности и торговли въ греко-римскомъ Египтѣ» («Журн. Мин. Нар. Просв., 1914, 10), о книгахъ Otto — Die Preister und Tempel im hellenistischen Aegypten («Göttingische Gelehrte Anzeiger», 1909) и Wilken — Die Griechischen Ostraka aus Aegypten und Nubien (статья «Новыя данныя по исторіи финансоваго управленія греко-римскаго Египта» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1900, 3). Экономической исторіи касаются и большія словарныя статьи: «Fiscus» и «Frumertum» въ Pauly-Wissowa Realencyclopaedie и «Fiscus» въ Ruggiero Dizionario Epigrafico. Общій взглядъ на хозяйственную эволюцію античности высказалъ М. И. Ростовцевъ въ статьѣ «Капитализмъ и народное хозяйство въ древнемъ мірѣ» («Русская Мысль» 1900, 3).

Интенсивно занимаясь вопросами экономической исторіи, М. И. Ростовцевъ привлекаетъ къ ихъ истолкованію и освѣщенію и вещественный матеріалъ. Такъ, ему принадлежитъ капитальное изслѣдованіе о римскихъ свинцовыхъ тессерахъ, какъ историческомъ источникѣ. Заинтересовавшись этимъ видомъ вещественныхъ памятниковъ — «свинцовыхъ марокъ», Ростовцевъ прежде всего опубликовалъ въ сотрудничествѣ съ M. Prou каталогъ парижской коллекціи свинцовъ, хранящейся въ нумизматическомъ отдѣленіи Національной Библіотеки. Изданіе это, появившееся въ 1900 г. подъ заглавіемъ «Catalogue des plombs de l'antiquité, du moyen âge et des temps modernes, conservés au Departament des Médailles et antiques de la Bibliothèque Nationale», было удостоено Парижской Академіей преміи Allier d'Hauterosche. Въ качествѣ введенія къ этому изданію Ростовцевъ напечаталъ «Etude sur les plombs antiques» (первоначально въ видѣ статей въ «Revue Numismatique» 1898 и 1899), представляющій опытъ изслѣдованія

и классификаціи наиболѣе важныхъ типовъ свинцовъ. Дальнѣйшее ознакомленіе съ матеріаломъ, доселѣ мало использованнымъ, привело къ дальнѣйшимъ работамъ, результатомъ коихъ явился обширный трудъ «Римскія свинцовыя тессеры» (332 стр.) и къ нимъ атласъ «Tesserarum urbis Romae et suburbi plumbearum sylloge» (стр. 440). Въ этомъ весьма тщательномъ изслѣдованіи чувствуется не только историкъ, но и археологъ. Ростовцевъ изучаетъ тессеры не только какъ матеріалъ для хозяйственной исторіи, но и сами по себѣ, какъ археологическій памятникъ. Въ работѣ дана детальнѣйшая классификація тессеръ, изучены всѣ ихъ типы и отличительныя особенности. Въ общемъ выводѣ изслѣдованія Ростовцевъ устанавливаетъ, что тессеры наиболѣе характерны для I и II вѣковъ по Р. Хр. (начиная съ эпохи Августа), назначеніе ихъ — служить такъ или иначе интересамъ мелкаго люда, при ихъ посредствѣ регулируютъ свои отношенія къ менѣе обезпеченнымъ классамъ города и государства, и коллегіи, которыя ихъ объединяютъ въ рядъ организацій, и частныя лица. Вездѣ и всегда тессеры являются марками контроля и ассигновками, но въ этихъ предѣлахъ получаютъ самое разнообразное назначеніе. Что касается до тессеръ какъ историческаго матеріала, то онѣ немало даютъ для уясненія многихъ сторонъ соціально-экономической, правовой, художественной и бытовой жизни римскаго міра. Интересно отмѣтить, что Ростовцевъ вводитъ въ свое изслѣдованіе и русскій матеріалъ, правда, немногочисленный и представленный свинцами Херсонеса и Ольвіи (стр. 299—302). Но, если греко-римскія колоніи нашего Юга дали немного образцовъ свинцовыхъ тессеръ, то интересный этюдъ о костяныхъ тессерахъ Ростовцевъ составилъ на основаніи матеріала, добытаго русскими археологическими открытіями («Древнія костяныя шашки съ юга Россіи» въ «Изв. Импер. Арх. Ком.», 10)[2]).

На ряду съ изученіемъ экономическихъ отношеній древности М. И. Ростовцевъ занимается вопросами духовной культуры, политической и соціально-правовой исторіей эллинистическихъ монархій и римскаго государства. Общая характеристика эллинизма дана имъ въ статьѣ «Эллинистическая Азія» («Научный Историческій Журналъ», 1), написанной по поводу новой книги Буше-Леклерка, но значительно выходящей за предѣлы обычнаго отзыва и представляющей цѣлый рядъ весьма любопытныхъ соображеній автора относительно эволюціи и отличительныхъ особенностей эллинистической монархіи[3]). Римской исторіи и ея источниковѣдѣнію посвящены статьи: «Заглавіе и литературный характеръ Monumentum Ancyranum» (Актовая рѣчь. Отч. Имп. С.-Пб. Унив. за 1913 г.), «Ins riptions des antes du Σεβαστεῖον d'Ancyre»

[2]) Костянымъ тессерамъ посвящена также французская статья Ростовцева, «Interprétation des tessères en os avec figures, chiffres et légendes («Revue Archéologique»).

[3]) См. также ст. «Эллинизмъ» въ «Энцикл. Словарѣ Брокгауза-Ефрона».

(«Melanges Boissier»). «Надписи изъ Македоніи» («Изв. Рус. Арх. Инст. въ Константинополѣ». т. IV). «Augustus und Athen» («Hirschfelds Festschrift»), рецензія на трудъ Э. Д. Гримма — Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти, т. II («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1902, 5), статьи «Юлій Цезарь» («Энц. слов. Брокгауза-Ефрона») и «Августъ» («Нов. Энц. Слов. Брокгауза-Ефрона»). Интересуясь распространеніемъ эллинистической и римской культуръ и ихъ локальными проявленіями, М. И. Ростовцевъ совершаетъ цѣлый рядъ научныхъ поѣздокъ съ цѣлью ознакомленія съ памятниками на мѣстахъ. Помимо посѣщенія и внимательныхъ изученій западно-европейскихъ музеевъ Ростовцевъ посѣтилъ Египетъ, Палестину, М. Азію, Сѣверную Африку, Грецію, южно-славянскія страны. Эти поѣздки, всегда дававшія русскому изслѣдователю новый обильный матеріалъ, часто до него неиспользованный, описывались имъ и въ общихъ отчетахъ. Здѣсь отмѣтимъ его статьи: «По музеямъ южно-славянскихъ странъ» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1911, 6)[4]; «Поѣздка въ Египетъ» («Русская Мысль», 1908) и «Русская археологія въ Палестинѣ» («Христіанскій Востокъ», 1913; весьма любопытная статья, на ряду съ богатымъ фактическимъ матеріаломъ дающая весьма оригинальныя обобщенія).

Широкіе интересы историка культуры привели М. И. Ростовцева къ изученію памятниковъ вещественныхъ, къ работамъ археологическаго характера. Намъ уже пришлось отмѣтить, что въ изслѣдованіи о тессерахъ Ростовцевъ является столь же археологомъ, сколько и историкомъ. Еще больше это приходится сказать объ его работахъ, посвященныхъ эволюціи античной декоративной живописи. Какъ говоритъ самъ Ростовцевъ въ предисловіи къ одному изъ своихъ трудовъ, вопросы декоративной живописи интересовали его давно, со студенческой скамьи. Эти интересы были вызваны знакомствомъ съ Помпеевской живописью, углубленные затѣмъ внимательно и неоднократно изученіемъ памятниковъ этой живописи на мѣстѣ. Частыя посѣщенія Помпей, равно какъ и «вѣчнаго города», постоянно усиливали эти интересы и отъ статей болѣе общаго характера[5]) повели къ спеціальнымъ штудіямъ. Въ 1908 г. М. И. Ростовцевъ выпустилъ капитальное изслѣдованіе «Эллинистическо-римскій архитектурный пейзажъ» (XII+143 стр.+XX фототипическихъ таблицъ; и по-нѣмецки «Die Hellenistisch-römische Architekturlandschaft». 1911). Въ виду того значенія, какое представляетъ этотъ трудъ

---

[4]) Ростовцевымъ опубликовано два интересныхъ рельефа Бѣлградскаго Музея («Ein Speculator auf der Reise. Ein Geschäftsmann bei der Abrechnung» въ «Mitteilungen der K. Deutschen Arch. Instituts», 1911, и по-сербски въ журналѣ «Старинар.»).

[5]) Помѣщены въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», «Фил. Обозр.». «Зап. Кл. Отд. Имп. Рус. Арх. Общ.». Въ извѣстной серіи таблицъ Цыбульскаго М. И. Ростовцевымъ составленъ текстъ къ таблицѣ «Римъ.» («Древній городъ Римъ» 1902 г., также по-нѣмецки «Das alte Rom»). См. также статьи «Римъ» и «Форумъ» въ «Энцикл. Словарѣ Брокгауза-Ефрона».

М. И. Ростовцева для классической археологіи и исторіи античнаго искусства, мы позволимъ себѣ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Своей задачей въ настоящемъ изслѣдованіи Ростовцевъ поставилъ изученіе вопроса о происхожденіи и развитіи греко-римскаго архитектурнаго пейзажа: таковымъ онъ называетъ тотъ видъ пейзажа, знакомый, главнымъ образомъ, по памятникамъ Помпеи и Рима, гдѣ главную роль въ ландшафтѣ играетъ архитектура, архитектурныя постройки. Этотъ типъ античныхъ пейзажей представленъ и засвидѣтельствованъ многочисленными памятниками. Архитектурный пейзажъ пережилъ различныя стадіи своего развитія, достигая высшаго расцвѣта, отъ шаблона переходилъ къ индивидуализму и снова къ шаблону, подвергался вліяніямъ, мѣнялъ свои мотивы и дополнялъ ихъ новыми — однимъ словомъ, имѣлъ свою богатую и сложную исторію. Убѣдительно и ясно рисуетъ намъ этапы историческаго развитія архитектурнаго пейзажа М. И. Ростовцевъ, устанавливая опредѣленные стили и эпохи. Въ наглядное дополненіе къ своимъ соображеніямъ онъ, по каждому данному поводу, прилагаетъ трактуемый источникъ — изображеніе ландшафта на томъ или другомъ памятникѣ и на этомъ конкретномъ матеріалѣ отмѣчаетъ интересующія его особенности. Громадная эрудиція автора позволяетъ ему оперировать не только надъ италійскимъ матеріаломъ, но и заходить въ предѣлы М. Азіи, Египта, Греціи, Римской Африки и т. д.; почти каждая мелкая, но характерная деталь служитъ поводомъ къ цѣлому любопытнѣйшему экскурсу. Ростовцевъ слѣдитъ за двумя характернѣйшими типами архитектурнаго ландшафта: это — болѣе ранній типъ сакрально-идиллической архитектуры съ небольшой примѣсью жилыхъ построекъ самаго общаго характера и затѣмъ новый архитектурный типъ — типъ столь характерный для побережья Италіи, типъ загороднаго поселенія римскихъ капиталистовъ, типъ виллы. Послѣдній типъ развитъ на Помпеянскихъ пейзажахъ, переживаетъ ихъ и распространяется внѣ предѣловъ Италіи: въ провинціяхъ, особенно въ Африкѣ, вилловый пейзажъ индивидуализируется, въ то время какъ въ Римѣ на ряду съ новымъ индивидуалистическимъ архитектурнымъ пейзажемъ продолжаетъ господствовать пейзажъ шаблоннаго сакрально-идиллическаго типа. Вопросъ о происхожденіи этихъ типовъ пейзажа является основой изслѣдованій М. И. Ростовцева. Въ рядѣ первыхъ главъ авторъ въ извѣстномъ хронологическомъ порядкѣ разсматриваетъ и классифицируетъ мотивы архитектурныхъ пейзажей: сакрально-идиллическій пейзажъ разобранъ подробно, о виллахъ авторъ говоритъ болѣе кратко, такъ какъ изображеніямъ виллъ имъ посвящена особая работа [6]). Весьма интересна IV глава «Постройки сакрально-гробничнаго характера», гдѣ авторъ говоритъ объ еги-

[6]) Pompeianische Landschaften und römische Villen (Jahrbuch des deutschen Arch. Instituts, 1904).

петскихъ пейзажахъ и о пейзажахъ, представляющихъ нѣчто среднее между чисто египетскимъ и обычнымъ пейзажемъ,—пейзажахъ египтизирующихъ; здѣсь видно, какъ отпадаютъ пигмеи и животныя нильскаго ландшафта и смѣшиваются обычные мотивы съ египетскими. Чрезвычайно богата прекрасно подобраннымъ матеріаломъ глава V «О развитіи архитектурнаго пейзажа послѣ разрушенія Помпеи». Заключаетъ изслѣдованіе VI глава подъ не совсѣмъ точнымъ заглавіемъ. «Наиболѣе типичная постройка архитектурнаго ландшафта»; содержаніе главы гораздо шире и богаче заглавія. Здѣсь авторъ, суммируя результаты своихъ изысканій, выясняетъ вопросъ о времени и мѣстѣ происхожденія разобранныхъ архитектурныхъ пейзажей; къ рѣшенію этого вопроса онъ подходитъ путемъ изслѣдованія архитектурныхъ формъ, фигурирующихъ на пейзажахъ. Задача, которую поставилъ себѣ авторъ, является чрезвычайно сложной и трудной, но результаты, къ которымъ онъ пришелъ, и самый ходъ изслѣдованій представляютъ немалый интересъ. Ростовцевъ подвергаетъ разсмотрѣнію памятники эллинистической живописи и слѣдитъ здѣсь за появленіемъ интересующихъ архитектурныхъ мотивовъ. Ставя, такимъ образомъ, изслѣдованіе на сравнительно-историческую почву, авторъ привлекаетъ громадный, родственный по характеру трактуемому, матеріалъ. Заходя въ глубины эллинскаго искусства, авторъ ставитъ положеніе, что типика нашего декоративнаго архитектурнаго пейзажа развивалась постепенно въ живописи, чисто-декоративной и надгробной, восточной Греціи V—IV вѣковъ. Далѣе онъ слѣдитъ за восточно-греческими рельефами, развившимися въ М. Азіи. Ростовцевъ полемизируетъ съ Шрейберомъ по вопросу объ египетскомъ происхожденіи живописныхъ рельефовъ: въ противоположность этому изслѣдователю русскій ученый отстаиваетъ ихъ эллинскія начала и малоазійское происхожденіе. Переходя къ вопросу объ египетскихъ мотивахъ въ пейзажѣ, авторъ подчеркиваетъ ихъ значеніе и вліяніе: онъ устанавливаетъ, что пейзажъ явился въ Александріи съ запасомъ готовыхъ типовъ, но тамъ культивировался и проникался египетскимъ вліяніемъ. Это переселеніе пейзажа въ Египетъ относится ко II вѣку до Р. Хр. Изъ Египта, послѣ ряда десятилѣтій интенсивной культивировки, фресковый пейзажъ попалъ въ Италію, одновременно и въ Римъ и въ эллинистическую Кампанію; живописный же рельефъ прямо изъ М. Азіи, минуя Египетъ, перешелъ въ Италію. Здѣсь обѣ категоріи—рельефъ во дворцахъ, пейзажъ въ менѣе богатыхъ домахъ—развиваются одновременнно, пейзажъ—пышнѣе и богаче, рельефъ—въ разъ уже выработанной для него формѣ. Какъ сакральная, такъ и вилловая архитектура пейзажа возникла въ сферѣ эллинизма. Таковы общіе выводы цѣннаго и интереснаго изслѣдованія Ростовцева.

Какъ этотъ трудъ, такъ и другія работы въ области декоративной живописи заставили М. И. Ростовцева пристально заняться искусствомъ и памятни-

ками эллинистическо-римскаго Египта. Для этого онъ совершилъ и поѣздку въ Египетъ, о которой мы уже говорили выше. Разбору памятниковъ эллинистическо-римскаго періода (изъ коллекціи Голенищева) посвящены его статьи: «Александрійская эллинистическая ваза» («Памятники Музея Изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ», вып. I—II), «Расписная стела изъ Александріи» (тамъ же), «Римское знамя» (тамъ же, вып. IV). «Фрагментъ римскаго легіоннаго знамени» («Журн. Мин. Нар. Пр.»).

Свои исключительныя познанія въ области античности М. И. Ростовцевъ примѣнилъ и къ изученію археологическихъ памятниковъ юга Россіи. Здѣсь его вниманіе привлекли вопросы исторіи искусства, археологіи и исторіи культуры въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ рядѣ работъ, посвященныхъ южно-русскимъ древностямъ, прежде всего надо отмѣтить капитальнѣйшее изслѣдованіе «Античная декоративная живопись на югѣ Россіи» (1-й томъ изслѣдованія—XVIII+517 стр. и атласъ въ 112 таблицъ). Этотъ трудъ, явившійся результатомъ продолжительныхъ и углубленныхъ штудій, отличается какъ исчерпывающей полнотой обслѣдованія соотвѣтствующаго матеріала, такъ и свѣжестью и оригинальностью основныхъ выводовъ изслѣдованія. Только ученый съ такой эрудиціей и такой методологической подготовкой, какъ Ростовцевъ, могъ успѣшно выполнить это грандіозное начинаніе. Работа была продѣлана огромная. Прежде всего надо было изучить памятники на мѣстахъ, совершая для этого неоднократныя повторныя поѣздки. Прежніе отчеты и описанія часто грѣшатъ неточностью и ненаучностью. Многое приходилось дѣлать заново: производить обмѣры, изслѣдовать архитектурныя формы, скопировать въ краскахъ (при помощи художника и знатока античности М. В. Фармаковскаго) и сфотографировать, гдѣ представлялась возможность, всѣ памятники живописи. Работать приходилось нерѣдко при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ сырыхъ и холодныхъ подземныхъ склепахъ. Многіе изъ памятниковъ находятся въ настоящее время въ совершенно неудовлетворительномъ видѣ; часто десятки лѣтъ, да и недостаточность вниманія со стороны соотвѣтствующихъ учрежденій пагубно отразились на замѣчательныхъ образцахъ фресковой живописи. Часто по жалкимъ остаткамъ приходилось возстановлять или, скорѣе, угадывать былую красоту. Надо было внимательно ознакомиться съ старыми отчетами, описывавшими памятники еще въ относительной сохранности; для этого на ряду съ печатными отчетами пришлось изучать весь архивъ Императорской Археологической Комиссіи. Всѣ эти стадіи работы были успѣшно продѣланы М. И. Ростовцевымъ, и онъ, базируя на основательно изученномъ матеріалѣ, далъ настоящее изслѣдованіе. Ростовцевымъ изучены всѣ остатки росписей Пантикапея, Ольвіи, Херсонеса, а также погребальныхъ склеповъ около Керчи, на Таманскомъ

полуостровѣ и въ Кубанской области. Въ 57 главахъ авторомъ даются весьма тщательныя и детальныя описанія каждаго изъ разбираемыхъ памятниковъ, производится хронологическая датировка и выясняется художественно-историческое значеніе при свѣтѣ сравнительно-археологическаго и сравнительно-историческаго матеріала. При датировкахъ интересующихъ памятниковъ приходилось обращать вниманіе и на тѣ вещи, которыя найдены были въ склепахъ, какъ-то: золотыя и серебряныя украшенія, оружіе, вазы, стеклянные сосуды, монеты и т. д. Нерѣдко анализъ этихъ предметовъ превращается въ цѣлыя небольшія изслѣдованія, представляющія и самостоятельный интересъ. Хотя авторъ обѣщаетъ дать общую характеристику античной декоративной живописи на югѣ Россіи во 2-мъ томѣ изслѣдованія, но и въ 1-мъ томѣ сдѣланы уже цѣнные выводы и даны богатыя указанія, обязательныя для всякаго историка античнаго искусства. Памятники декоративной живописи въ южной Россіи тянутся на протяженіе цѣлыхъ 7 вѣковъ (отъ IV в. до Р. Х. по II в. по Р. Х.) и даютъ великолѣпные образцы до- и послѣ-помпеянской живописи. Но помимо своего исключительнаго значенія для исторіи классическаго искусства (исторію греческаго искусства прямо нельзя будетъ изучать безъ его южно-русскихъ проявленій) памятники погребальныхъ камеръ даютъ богатѣйшій матеріалъ для общей культурной исторіи нашего юга въ греко-римскую эпоху. Почти во всѣхъ главахъ изслѣдованія М. И. Ростовцевъ отмѣчаетъ ту или другую культурно-историческую цѣнность изучаемыхъ памятниковъ.

Мы, конечно, не имѣемъ возможности въ предѣлахъ настоящаго краткаго отзыва остановиться на всѣхъ цѣнныхъ и важныхъ указаніяхъ Ростовцева. Позволимъ только отмѣтить, какъ намъ кажется, главнѣйшія. Въ главѣ II, посвященной детальному описанію расписного склепа на Васюринской горѣ, весьма любопытенъ экскурсъ о погребальныхъ колесницахъ-памятникахъ и бѣговыхъ или военныхъ колесницахъ, основанный на привлеченіи любопытнѣйшихъ сравнительныхъ данныхъ. Въ той же главѣ мы находимъ нѣсколько цѣнныхъ страницъ, трактующихъ объ обрядѣ погребенія: Ростовцевъ указываетъ, что склепъ, по вѣрованію грековъ, перенесенному и на нашъ югъ, былъ *ἡρῷον*, гдѣ мертвый трактовался, какъ герой или хѳоническій богъ. При обслѣдованіи склепа, открытаго въ 1891 г. (гл. XVI), Ростовцевъ обращаетъ особое вниманіе на религіозное значеніе росписи, кратко суммируя здѣсь результатъ своей спеціальной работы «Роспись Керченской гробницы, открытой въ 1891 году» (помѣщена въ «Сборникѣ въ честь гр. А. А. Бобринскаго» . На основаніи анализа этой росписи М. И. Ростовцевъ далъ цѣлое изслѣдованіе по исторіи культовъ въ Боспорскомъ царствѣ; привлекая обширный сравнительный матеріалъ и мастерски группируя всѣ необходимыя данныя, авторъ устанавливаетъ существованіе въ Пантикапеѣ хѳоническаго

6*

культа восточно-греческаго типа, культа Сараписа-Діониса съ сильнымъ оригическимъ вліяніемъ. Разборъ росписи склепа, открытаго въ 1895 г. (гл. XVIII), ведетъ къ цѣлому ряду любопытныхъ соображеній относительно орнаментаціи плафона съ привлеченіемъ египетскаго матеріала. Большую цѣнность представляетъ обширная глава XXX, посвященная склепу, открытому въ 1872 г. и описанному В. В. Стасовымъ. Эта глава, трактующая объ одномъ изъ наиболѣе извѣстныхъ въ научной литературѣ склеповъ, поражаетъ многими новыми и оригинальными соображеніями. Умѣряя односторонность В. В. Стасова, видѣвшаго во всемъ восточное вліяніе, Ростовцевъ даетъ замѣчательный анализъ отдѣльныхъ частей и общей схемы росписи при свѣтѣ сравнительныхъ данныхъ. Особенно детально разсматриваетъ авторъ сцены съ изображеніемъ боя. Здѣсь, напр., для исторіи мотива коннаго боя привлеченъ матеріалъ ассирійскаго искусства, греческихъ вазъ, этрусскихъ стелъ, малоазійской скульптуры и живописи, римскаго искусства и сассанидскаго искусства. Существенно важно для такъ мало еще разработанной у насъ бытовой исторіи описаніе костюма и вооруженія боспорскихъ воиновъ и ихъ противниковъ; это описаніе у Ростовцева превратилось въ цѣлый этюдъ, предваряющій, быть можетъ, нужное и необходимое изслѣдованіе. Въ главѣ XXXI «Склепъ, открытый Ашикомъ», обращаютъ вниманіе замѣчанія о погребальныхъ картинахъ. Въ главѣ XLIV, озаглавленной «Общая характеристика склеповъ геометрическаго стиля», данъ любопытнѣйшій этюдъ о Сабазіи и его культѣ въ Боспорскомъ царствѣ. Переходя отъ Босфора и Ольвіи къ Херсонесу, авторъ останавливается и на разборѣ христіанскихъ погребеній Херсонеса. И здѣсь ему удается сказать свое новое слово. Въ главѣ LVIII «Разборъ росписей христіанскихъ погребеній Херсонеса» особенно любопытно привлеченіе сходнаго сравнительнаго матеріала для уясненія происхожденія херсонесской системы росписи; на ряду съ болѣе извѣстными данными римскихъ катакомбъ привлеченъ замѣчательный матеріалъ погребальной мозаики сѣверной Африки, памятниковъ Салонъ, Египта, Сиріи, Финикіи и Палестины. Заканчивая эту главу, Ростовцевъ говоритъ: «Не будемъ забывать, что все убранство христіанской гробницы вообще и особенно гробницъ мучениковъ въ Херсонесѣ есть прямой дериватъ росписи гробницъ языческихъ постольку, поскольку онѣ были гробницами не обыкновенныхъ смертныхъ, а божественныхъ героевъ. Вся система росписи и выборъ сюжетовъ въ языческихъ гробницахъ понятны намъ лишь постольку, поскольку здѣсь соединяются представленія о загробномъ жилищѣ покойника и о культѣ и прославленіи героя. Отсюда и вся символика языческихъ погребеній, воспринятая почти цѣликомъ и раннимъ христіанствомъ» (стр. 507). Намъ пришлось остановиться лишь на нѣкоторыхъ сторонахъ замѣчательнаго изслѣдованія М. И. Ростовцева, и въ цѣломъ и въ частно-

стяхъ представляющаго цѣннѣйшій вкладъ въ общую исторію античной культуры.

Въ извѣстной связи съ разобраннымъ изслѣдованіемъ находятся статьи М. И. Ростовцева: «Керченская декоративная живопись и ближайшія задачи археологическаго изслѣдованія Керчи» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1906, 5). «Пиксида расписного склепа кургана Васюриной горы» («Зап. Имп. Од. Общ. и Др.», т. XXX), «A proposito di una tomba dipinta di Canosa» («Neapolis», I). «Стеклянныя расписныя вазы поздне-эллинистическаго времени и исторія декоративной живописи» («Изв. Имп. Арх. Ком.», в. 54).

Какъ въ большомъ изслѣдованіи о росписяхъ, такъ и въ перечисленныхъ статьяхъ Ростовцеву постоянно приходилось считаться съ общими вопросами культурной исторіи. Отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ работъ по культурной и политической исторіи нашего юга въ греко-римскія времена. Особенно интенсивно занимается Ростовцевъ исторіей Боспорскаго царства, имѣя посвятить ей обширный трудъ. Пока же появилось нѣсколько статей, уясняющихъ общій взглядъ автора на эволюцію Боспорскаго царства и представляющихъ частичныя, весьма цѣнныя изслѣдованія. Общій взглядъ на Боспорское царство высказанъ М. И. Ростовцевымъ въ его статьѣ «Научное значеніе исторіи Боспорскаго царства» («Сборникъ въ честь Н. И. Корнева», 1914 г.): статья, во многомъ интересная и оригинальная, отличается, однако, нѣкоторой общностью утвержденій. Мастерской общій очеркъ Боспорскаго царства въ главныхъ моментахъ его историческаго развитія представляетъ статья «Боспорское царство и южно-русскіе курганы» («Труды Съѣзда преподавателей древнихъ языковъ», 1912). Здѣсь авторъ, широко пользуясь археологическимъ матеріаломъ (статья весьма удачно иллюстрирована), останавливается подробно на первоначальномъ расцвѣтѣ столицы Боспора — Пантикапея, относящагося къ IV—III вѣкамъ до Р. Хр., когда широко развившаяся хлѣбная торговля съ Элладой усилила могущество Боспора. Образовалось тогда большое царство крупныхъ помѣщиковъ-феодаловъ, во главѣ которыхъ стоялъ главный военачальникъ-архонтъ. На этомъ феодально-аристократическомъ укладѣ сказалось вліяніе и рыцарской Іоніи и восточныхъ элементовъ, благодаря постояннымъ сношеніямъ съ скиѳами. Монархическій строй, созданный сначала по образцу іонійской тираніи, принялъ затѣмъ типичныя эллинистическія черты съ опредѣленнымъ оріентирующимъ оттѣнкомъ. Новый расцвѣтъ Боспорскаго царства относится къ I—II вв. по Р. Хр., когда снова возстанавливаются старыя традиціи аристократическаго уклада съ своеобразнымъ и интереснымъ развитіемъ царской власти, находящейся подъ вліяніемъ иранизма. Проблема «іонизма» и «иранизма» на Боспорѣ

блестяще выяснена Ростовцевымъ въ его небольшомъ, но чрезвычайно цѣнномъ изслѣдованіи «Представленія о монархической власти въ Скиѳіи и на Боспорѣ» (62 стр. +VII табл. въ «Изв. Импер. Арх. Ком.», вып. 49) и въ резюмирующей выводы этого изслѣдованія статьѣ «Iranism and Ionism in South Russia» (1913), читанной въ качествѣ реферата на международномъ конгрессѣ историковъ въ Лондонѣ. Подвергнувъ детальнѣйшему анализу сюжеты, изображенные на ритонахъ и пластинѣ Карагадеуашхскаго кургана, и привлекши большой сравнительно матеріалъ, Ростовцевъ пришелъ къ любопытнѣйшему выводу о существованіи у скиѳскихъ царей представленія объ инвеститурѣ власти отъ божества (изображенія всадниковъ — бога и царя). Скиѳскія царства, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано рядомъ богатѣйшихъ курганныхъ погребеній Прикубанья, Придонья, Приднѣпровья и Прибужья, стремились организовать на тѣхъ же устояхъ и на той же религіозной базѣ, по которой выросли и царства Каппадокійское, Коммагенское, Армянское, Иберійское, Албанское и, наконецъ, Пароянское. Согласно традиціи, корни которой кроются въ Ассиро-Вавилоніи, монархи отнюдь не являются богами, какъ въ Египтѣ. Тѣмъ не менѣе, величіе монарха священно, какъ такъ власть передана ему богомъ, волею котораго онъ призванъ на тронъ. Правятъ монархи милостью творца неба и земли (стр. 5). Эти представленія о власти переходятъ и въ Боспорское царство. Ко времени вторичнаго расцвѣта Боспора относится рядъ наглядно свидѣтельствующихъ объ этомъ памятниковъ, по внимательномъ изученіи которыхъ М. И. Ростовцевъ пришелъ къ слѣдующему выводу: «Мы должны были констатировать, что оправившееся государство, начиная со II в. по Р. Хр., вновь и усиленно иранизируется по мѣрѣ того, какъ оно пріобрѣтаетъ сравнительную самостоятельность и независимость. Иранизируется опять и религія, и царская власть. Если для римлянъ на золотѣ царь Боспора попрежнему вассалъ, то для своихъ подданныхъ на мелкой размѣнной монетѣ онъ является въ ореолѣ божьей милостью правящаго царя, получающаго знаки власти своей отъ бога» (стр. 29). Въ этомъ же изслѣдованіи Ростовцевъ посвящаетъ цѣлую главу конному Миѳрѣ и памятникамъ его культа, удачно доказывая, вопреки мнѣнію Кюмона, что на ряду съ изображеніемъ Миѳры Тавроктона было распространено (хотя и не въ такой степени) изображеніе коннаго Миѳры. Къ циклу работъ по Боспору относятся такія статьи: «Страбонъ, какъ источникъ для исторіи Боспора» («Сборникъ въ честь В. П. Бузескула», 1914) и «Бронзовый бюстъ Боспорской царицы и исторія Боспора въ эпоху Августа» (отд. оттискъ изъ XXV тома «Древностей»). Въ послѣдней статьѣ Ростовцевъ остроумно и удачно разбирается въ сложныхъ и запутанныхъ отношеніяхъ на Боспорѣ въ эпоху Августа: что же касается до его доводовъ

въ пользу сходства бронзоваго бюста Боспорской царицы съ изображеніемъ Динаміи на монетѣ, то они, по нашему мнѣнію, не могутъ считаться вполнѣ убѣдительными.

Занимаясь исторіей Боспорскаго царства, М. И. Ростовцевъ не могъ не заинтересоваться и скиѳскими древностями. Мы уже отмѣтили въ связи съ его боспорскими штудіями работу «Представленія о монархической власти въ Скиѳіи и на Боспорѣ», гдѣ видное мѣсто удѣлено скиѳамъ. Скиѳскимъ древностямъ посвящены статьи Ростовцева «Fische als Pferdeschmuck» («Opuscula archaeologica Osc. Montelio oblata»), рецензія на книгу Ellis Minns — Scythians and Greeks («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1913, 11), «Курганъ Солоха» («Ежемѣсячный Журналъ», 1914) и «Воронежскій серебряный сосудъ» (Петроградъ, 1914). Въ изслѣдованіи о Воронежскомъ сосудѣ, произведенномъ съ обычной тщательностью, Ростовцевъ высказываетъ свой взглядъ на эволюцію скиѳской культуры. Выступая противъ укоренившагося мнѣнія о варварствѣ скиѳовъ, онъ говоритъ: «Варварами были скиѳы и сарматы только въ томъ смыслѣ, въ какомъ варварами были для грековъ и египтяне, и ассирійцы, и Вавилонъ, и Персія: не варвары, а люди другой, неоднородной съ греками культуры. Начиная съ конца IV в. до Р. Хр. и вплоть, вѣроятно, до конца III или даже до начала II в. до Р. Хр., степи нашего юга пріобрѣтаютъ совсѣмъ иной аспектъ, чѣмъ тотъ, который такъ мастерски набросалъ передъ нами Геродотъ. На всемъ протяженіи великой степной полосы, по берегамъ великихъ русскихъ рѣкъ: Дона, Кубани, Буга, Днѣпра, доходя далеко на сѣверъ, раскинулся рядъ скиѳо-сарматскихъ государствъ, большихъ и малыхъ. Въ значительной части этихъ государствъ кочевой бытъ смѣняется осѣдлымъ: вмѣсто лагеря кибитокъ появляются города, обнесенные валами и стѣнами: высшіе классы населенія отличаются незауряднымъ вкусомъ, высоко цѣнятъ греческую промышленность, но нерѣдко диктуютъ ей свои условія. Религіозныя представленія пріобрѣтаютъ твердо опредѣленныя формы, представленія о богахъ выливаются въ опредѣленные греческіе образы, фиксируются внѣшній обликъ и матеріальная обстановка культа. Правда, культура эта носитъ чисто аристократическій характеръ, эта культура царей и высшей феодальной аристократіи, но она постепенно проникаетъ и въ толщу народа, пріучаетъ и его къ культурной обстановкѣ аристократіи» (стр. 1—2). Особое дополненіе въ настоящемъ изслѣдованіи посвящено Ростовцевымъ полемикѣ съ Б. В. Фармаковскимъ по поводу предложенной послѣднимъ хронологической датировки Чертомлыцкаго и Ильинецкаго кургановъ [7]). М. И. Ростовцевъ и раньше высказывался по поводу соображеній Б. В. Фармаковскаго, но,

[7]) Б. В. Фармаковскій — Золотыя обивки налучій (горитовъ) изъ Чертомлыцкаго кургана и изъ кургана въ м. Ильинцахъ («Сборникъ въ честь гр. Бобринскаго»); «Новѣйшая датировка Карагадеуашхскаго кургана (Изв. Тавр. Уч. Арх. ком., 50); Аканоовая вѣтвь на серебряномъ сосудѣ съ Таманскаго полуострова («Сборникъ въ честь В. П. Бузескула»).

не соглашаясь съ нимъ, давалъ довольно неустойчивыя хронологическія опредѣленія (см. стр. 42, 176 и 318 книги «Античная декоративная живопись на югѣ Россіи»). Въ настоящей статьѣ, отвергая датировку II вѣкомъ до Р. Х., Ростовцевъ стоитъ за конецъ IV вѣка и за III вѣкъ. Замѣчанія М. И. Ростовцева весьма любопытны, но все же не разрѣшаютъ спорнаго вопроса: строго детализованные и интересно обоснованные взгляды Б. В. Фармаковскаго врядъ ли можно считать вполнѣ поколебленными.

Если эллинистическія штудіи привлекли вниманіе М. И. Ростовцева къ памятникамъ Боспорскаго царства, то его, какъ историка римской имперіи и эпиграфиста, не могли не заинтересовать памятники римскихъ временъ, находящіяся на нашемъ югѣ, въ частности латинскія надписи. На страницахъ «Извѣстій Императорской Археологической комиссіи» нерѣдко встрѣчаются публикаціи новыхъ латинскихъ надписей съ блестящими комментаріями М. И. Ростовцева. Такъ, имъ опубликовано: «Новыя латинскія надписи изъ Херсонеса» («Изв. Имп. Арх. Ком.», в. 23), «Новыя латинскія надписи съ юга Россіи» (тамъ же, в. 27), «Новыя латинскія надписи съ юга Россіи. I. Надпись изъ Эчміадзина. II. Надпись изъ Херсонеса» (тамъ же, в. 33). Большинство этихъ надписей касается римскихъ воиновъ и даетъ немало для освѣщенія многихъ вопросовъ военной политики Римской имперіи. Разборъ надписи изъ Эчміадзина привелъ къ любопытному этюду объ отношеніяхъ римскихъ императоровъ къ Арменіи[8]). На ряду съ обслѣдованіемъ латинскихъ надписей Ростовцевъ изучалъ новѣйшія раскопки въ Ай-Тодорѣ, гдѣ найдены были остатки римской крѣпости. Результаты этого изученія изложены имъ въ статьѣ: «Римскіе гарнизоны на Таврическомъ полуостровѣ» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1900, 3, и по-нѣмецки «Die römischen Garnisonen in der Krim und das Kastell Charax» въ «Klio», B. II) и «Святилище Оракійскихъ боговъ и надписи бенефиціаріевъ въ Ай-Тодорѣ» («Изв. Импер. Арх. Ком.», в. 40). Въ послѣдней статьѣ авторъ изслѣдуетъ рельефы обнаруженнаго святилища и объясняетъ ихъ изъ данныхъ оракійской культуры (оракійскія проявленія культа Діониса); убѣдительно доказана имъ и оракійская національность большинства солдатъ Ай-Тодорскаго гарнизона. Къ области южно-русскихъ штудій Ростовцева относятся также его статья «Миорадатъ Понтійскій и Ольвія» («Изв. Импер. Арх. Ком., в. 23) и рецензія на работу Б. В. Фармаковскаго «Раскопки въ Ольвіи въ 1901—1903 гг.» («Журн. Мин. Нар. Пр.», 1907, 5).

Въ настоящемъ отзывѣ намъ пришлось дать лишь самую общую характеристику неутомимой и плодотворной дѣятельности М. И. Ростовцева, такъ

---

[8]) Заинтересовавшись Арменіей въ римскую эпоху, Ростовцевъ далъ блестящій комментарій къ греческой надписи царя Тиридата («Анійская серія», изд. Имп. Акад. Наукъ, № 6).

много уже давшей для науки и такъ много обѣщающей еще дать. Мы полагали бы, что въ знаменательной день празднованія 50-лѣтняго юбилея, соединеннаго съ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ о незабвенномъ основателѣ, столь много поработавшемъ для изученія южно-русскихъ древностей. Императорское Московское Археологическое Общество выполнитъ свой прямой долгъ, присудивъ золотую медаль Михаилу Ивановичу Ростовцеву за его выдающіеся труды въ области исторіи античной культуры вообще, и классической археологіи юга Россіи въ частности.

П. Бороздинъ.

VI.

Ученыя заслуги А. В. Орѣшникова.

Научная дѣятельность одного изъ самыхъ выдающихся европейскихъ ученыхъ нумизматовъ А. В. Орѣшникова началась 34 года тому назадъ, по счастливой случайности, какъ разъ въ нѣдрахъ нашего Общества, когда, въ засѣданіи 28 октября 1881 года, онъ прочиталъ свой первый ученый докладъ «О бронзовой статуэткѣ Вакха, находящейся въ музеѣ кн. Голицына». Докладъ этотъ былъ признанъ настолько интереснымъ и важнымъ, что авторъ его тутъ же былъ предложенъ въ члены-корреспонденты Общества. а въ слѣдующемъ засѣданіи, 9 ноября того же года, и избранъ единогласно таковымъ. Однако этотъ докладъ все же не опредѣлялъ собою дальнѣйшаго направленія ученыхъ занятій А. В. Орѣшникова и къ вопросамъ исторіи искусства онъ, впослѣдствіи, обращался и мало и рѣдко, давая зато широкое мѣсто этимъ вопросамъ въ своихъ нумизматическихъ трудахъ, съ одной стороны. пользуясь данными исторіи искусства при выясненіи нѣкоторыхъ трудныхъ вопросовъ классической, въ частности, греческой нумизматики, съ другой, — внося своими разысканіями весьма существенныя добавленія и поправки въ эту область на основаніи данныхъ монетъ. Въ общемъ же, понимая область древняго и стариннаго искусства, какъ имѣющую тѣсную связь съ памятниками археологическими, иконографическими, можно выдѣлить особо слѣдующія работы А. В. Орѣшникова, какъ ближе всего затрогивающія эту область. Таковыми является его статья во 2 вып. XV т. Древностей. «Нѣсколько замѣчаній о древностяхъ, найденныхъ въ с. Парутинѣ въ 1891 г.», въ которой авторъ, между прочимъ обстоятельно разобралъ вопросъ о древнихъ классическихъ золотыхъ погребальныхъ маскахъ, о ювелирномъ дѣлѣ греческихъ колоній I в. по Р. Хр., о монетѣ Хорона. эпоху которой, а затѣмъ на ея основаніи и эпоху парутинскаго погребенія онъ уста-

новилъ и въ которой, наконецъ, онъ высказалъ предположеніе о нахожденіи въ с. Парутинѣ Ольвійскаго некрополя, что и подтвердилось дальнѣйшими археологическими изслѣдованіями.

Затѣмъ, къ этой же категоріи работъ А. В. Орѣшникова надо отнести и его статьи, касающіяся нѣкоторыхъ памятниковъ русскаго средневѣковья. Таковыми являются «Замѣтка о потирѣ Переяславль-Залѣсскаго собора» («Арх. Изв. и Зам.». т. V), выяснившая нѣсколько любопытныхъ чертъ въ исторіи чеканнаго дѣла на Руси въ XVI в., статья «Аптекарская посуда времени Петра Великаго» («Старые Годы», 19), въ которой авторъ свелъ всѣ найденныя имъ архивныя и другія данныя о стекольно-фарфоровомъ производствѣ въ Россіи въ эпоху царей Алексѣя Михаиловича и Петра I, такъ что эта статья въ данное время служитъ исходной опорной точкой отправленія всѣхъ дальнѣйшихъ изслѣдованій въ области исторіи русскаго стекольнаго и фарфороваго производства и, наконецъ, статья «Памятникъ XV в., находящійся въ Бѣлой Палатѣ, въ Ростовѣ» («Арх. Изв. и Зам.». т. II). Содержаніе этой статьи касается надгробнаго каменнаго креста 1458 г. надъ могилой нѣкоего Ильи. с. дьяка Степана, креста, снабженнаго длинной «лѣтописью». Какъ самый памятникъ, такъ и его «лѣтопись» дали автору возможность сдѣлать чрезвычайно интересныя и важныя разысканія и по отношенію къ типамъ подобныхъ крестовъ и по вопросу о политическомъ значеніи данной области въ русской исторіи XV в., ея географическихъ границъ и наконецъ по отношенію нѣсколькихъ интересныхъ бытовыхъ чертъ данной эпохи.

Наконецъ сюда же слѣдуетъ прибавить его статьи, касающіяся нѣкоторыхъ современныхъ намъ медалей—«Полтавская медаль и плакета Гоголя («Нум. Сбор.» т. I), «Медаль въ память столѣтія Московскаго Университета» (ibid.), «Московская медаль въ память столѣтія Отечественной войны» (ibid., т. II) и др. того же рода, въ которыхъ онъ рѣзко выступаетъ противъ антихудожественнаго и крайне небрежнаго отношенія нашихъ медальеровъ къ принятымъ на себя задачамъ, противъ отсутствія въ ихъ композиціи пониманія смысла, символизма и назначенія старинныхъ медалей и сопровождаетъ свою критику рядомъ цѣннѣйшихъ указаній на исторію, на художественный матеріалъ, на иконографическія сокровища, какъ бы просящіяся сами служить данными этихъ же медалей, и уличаетъ ихъ въ небрежномъ и даже невѣжественномъ копированіи, вмѣсто композиціи, матеріала, совершенно не соотвѣтствующаго задачамъ, высказывая при этомъ громадную эрудицію и высокое научное знаніе.

Истинный характеръ направленія научной дѣятельности А. В. Орѣшникова нашелъ себѣ ясное и опредѣленное выраженіе въ его второмъ докладѣ нашему Обществу, прочитанномъ 15 ноября 1882 г. и содержавшемъ въ себѣ оцѣнку и разборъ нумизматической литературы, русской и иностранной,

появившейся за послѣдніе, предшествовавшіе докладу, два года и касавшейся монетъ древней Греціи и древнихъ греческихъ колоній сѣвернаго побережья Чернаго моря. Докладъ этотъ чрезвычайно важенъ для характеристики нашего ученаго, ибо въ немъ ярко выразился и взглядъ автора на значеніе нумизматическихъ изслѣдованій для науки вообще, какъ работъ, могущихъ служить важнѣйшимъ подспорьемъ въ изученіи и вопросовъ исторіи искусствъ и хронологіи, и быта, и палеографіи, и чистой исторіи, и генеалогіи и родственныхъ отношеній правителей данныхъ эпохъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснился его методъ изслѣдованія, при которомъ авторъ разбираетъ и изучаетъ монетныя данныя въ связи со всей общественной и политической исторіей данной мѣстности, города или государства, отмѣчая попутно, что даетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ всеобщая исторія и исторія культуры для уясненія нумизматическихъ данныхъ, а съ другой — какія дополненія, измѣненія, разъясненія и исправленія вносятъ монетныя данныя въ эти науки. Благодаря такому методу, неизмѣнно прилагаемому авторомъ во всѣхъ своихъ работахъ, каждыя изъ послѣднихъ вносятъ постоянно въ науку массу существеннѣйшихъ выводовъ и фактовъ, заставляющихъ исправлять серьезные недочеты общей исторіи, а иногда и совершенно измѣнять ея положенія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ высказывается лишь предположительно или же предлагаетъ какой-либо новый выводъ или новое соображеніе, болѣе основанныя на чутьѣ или предположеніяхъ, чѣмъ на точныхъ данныхъ, за отсутствіемъ таковыхъ, то и тогда научная и добросовѣстная критика всегда признаетъ за ними ихъ полную возможность и правдоподобность, не имѣя предъявить никакихъ фактовъ противъ, каковы не были бы уже приняты въ соображеніе А. В. Орѣшниковымъ. Такимъ образомъ методъ его, съ первыхъ же работъ А. В. Орѣшникова, не только сразу завоевалъ ему высокое мѣсто въ европейской наукѣ, но и упрочилъ это положеніе и сразу и разъ навсегда.

Такимъ образомъ въ докладѣ своемъ 15 ноября 1882 г. А. В. Орѣшниковъ, разбирая ученые нумизматическіе труды, далеко не ограничивается, подобно ихъ авторамъ, главнымъ образомъ нузизматическими фактами, а привлекаетъ сюда цѣлый рядъ другихъ памятниковъ, хотя и извѣстныхъ уже въ литературѣ, но въ данномъ случаѣ совершенно не принятыхъ во вниманіе учеными, какъ, напр., знаменитая надпись Діофанта, надпись, найденная близъ Варны, различные памятники искусствъ и т. п. Въ результатѣ даже въ бѣгломъ разборѣ онъ могъ внести существенныя поправки: установить правильное чтеніе имени царя Фарзанесса, доказать фальшивость всѣхъ монетъ съ именемъ скиѳскаго царя Геліоса, пріурочить монеты царя Канитеса — скиѳскому царю, выяснить, что царь Гигіенонтъ правилъ не въ Боспорѣ, какъ утверждалъ Мюре, а въ Понтѣ, опредѣлить монетное дѣло Перисадовъ въ

Боспорѣ и подтвердить предположеніе Залета о пріуроченіи боспорскихъ монетъ съ изображеніемъ Лизимаха — къ Перисаду II, приводя въ пользу этого рѣшающаго соображенія и выводы на основаніи данныхъ, упущенныхъ Залетомъ — именно: объ автономіи городовъ Боспора и объ ихъ титулахъ и т.д.

Вступивъ этимъ докладомъ на поприще нумизматики, А. В. Орѣшниковъ уже всецѣло отдается ему и неизмѣнно продолжаетъ на немъ работать вотъ уже почти 33 года. Сперва онъ занимается, главнымъ образомъ, монетами греческихъ колоній сѣвернаго побережья Чернаго моря, затѣмъ присоединяетъ сюда изслѣдованія въ области херсоно-византійской нумизматики и, наконецъ, посвящаетъ послѣднее время бóльшую часть своихъ трудовъ вопросамъ русской нумизматики. Такимъ образомъ его научные интересы все время и всецѣло связаны съ нынѣшними предѣлами нашего отечества и съ тѣми областями и городами, которые одни всецѣло принадлежали и принадлежатъ Россіи, другіе такъ или иначе входятъ въ ея исторію, оставляя замѣтные слѣды въ политической или бытовой исторіи древней Руси. И обо всѣхъ этихъ трудахъ можно сказать, что, независимо отъ ихъ объема, всѣ они могутъ скорѣе быть названы историческими монографіями, чѣмъ узко и спеціально нумизматическими изслѣдованіями.

Въ 1883 г. появился первый печатный трудъ А. В. Орѣшникова по нумизматикѣ греческихъ колоній сѣвернаго побережья Чернаго моря, подъ заглавіемъ «Zur Münzkunde des Cimmerischen Bosporus», въ которой авторъ даетъ къ описанію нѣсколькихъ монетъ Боспорскаго царства обстоятельное введеніе, затрогивая, между прочимъ, въ немъ вопросъ объ одновременномъ употребленіи однимъ и тѣмъ же правителемъ титуловъ «архонта» и «василевса», хотя и въ отдѣльныхъ случаяхъ, а не вмѣстѣ. Этотъ вопросъ онъ разработалъ въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ и установилъ несомнѣнность существованія этихъ титуловъ у одного и того же лица, что раньше не допускалось наукой. Благодаря этимъ разысканіямъ нашего ученаго явилась возможность внести весьма существенныя исправленія и въ вопросѣ установленія тождественности правителей одного имени, но съ разными титулами, и объяснить характеръ внутренняго государственнаго устройства и устранить хронологическія недоразумѣнія. За этимъ трудомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ изслѣдованій А. В. Орѣшникова въ той же области, какъ, напр., «Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ по надписямъ и царскимъ монетамъ». (Труды IV Съѣзда, т. II и отдѣльно), дающій чрезвычайно интересный и обстоятельный очеркъ исторіи этого государства за указанную эпоху, полный новизны и существенныхъ положеній и основанный на монетныхъ данныхъ и эпиграфическомъ матеріалѣ, раньше не привлекавшемся. «Объ эрѣ на монетахъ Пиодориды, царицы Понта» (М. 1885), гдѣ путемъ тонкаго анализа всевозможныхъ историческихъ, археологическихъ, эпиграфическихъ, нумизма-

тическихъ и даже генеалогическихъ данныхъ авторъ установилъ эру этой царицы, какъ актійскую, а не Юлія Цезаря, что было раньше принято наукой, «Матеріалы по древне-греческой нумизматикѣ Черноморскаго побережья» (М. 1892), «О монетахъ скиѳскихъ царей съ именемъ гор. Ольвіи» («З. И. Р. А. О.» т. IV), «Une monnaie au monogramme B. A. M.» и «A propos d'une nouvelle determination des monnaies au monogramme B. A. E.» («Ann. de la S. de N. Moscou 1887), «Золотой статиръ архонта Игіэнонта» («Тр. Нум. Общ.», II), «Монеты царя Элія» (ibid.), «Киликійскія монеты царя Марка Антонія Полемона» («Нум. Сб.» I) и много другихъ. Всѣ эти труды неизмѣнно каждый заключаютъ въ себѣ ряды весьма цѣнныхъ и важныхъ для исторіи, археологіи и исторіи искусствъ соображеній, выводовъ и коренныхъ измѣненій прежнихъ положеній и выводовъ. Среди этихъ трудовъ особенно важны всѣ тѣ, кои такъ или иначе касались вопроса о скиѳскихъ царяхъ и ихъ отношеніяхъ къ Ольвіи и другимъ греческимъ колоніямъ Южной Россіи. Выводы и заключенія А. В. Орѣшникова въ этихъ вопросахъ не только безусловно были приняты наукой, но, напримѣръ, цѣликомъ легли въ соотвѣтствующій отдѣлъ и вообще во все новѣйшее замѣчательное изслѣдованіе Minns'a о скиѳахъ. Равнымъ образомъ такое же значеніе получили въ наукѣ и изслѣдованія нашего ученаго о гетахъ и др., какъ и его какъ бы сводный трудъ по вопросамъ о монетахъ Боспорскаго и другихъ царствъ, составляющій описаніе коллекціи гр. А. С. Уварова подъ заглавіемъ «Монеты Боспорскаго царства и древне-греческихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи».

По отношенію къ вопросу о географическомъ расположеніи и историческомъ ихъ развитіи греческихъ сѣверныхъ колоній до сихъ поръ существуетъ и твердо принято мнѣніе знаменитаго ученаго-нумизмата конца XVIII в. аббата I. Г. Эккеля и хотя современные ученые и чувствовали недостатки этого мнѣнія и необходимость ихъ пересмотра, тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ нихъ не рѣшался подвергнуть его пересмотру, такъ что и новѣйшее изслѣдованіе въ этой области извѣстнаго англійскаго ученаго Геда, касающееся коллекціи монетъ Британскаго Музея, держится все той же системы Эккеля, что вызываетъ страшную путаницу и въ исторіи и въ распредѣленіи народовъ и ихъ монетъ этихъ колоній. А. В. Орѣшниковъ еще въ 1885 г. въ «Кружкѣ нумизматовъ», въ докладѣ «О классификаціи монетъ древняго міра», подвергъ систему Эккеля строго-научной критикѣ и на основаніи своего изученія этого вопроса составилъ новую классификацію, по которой и привелъ въ порядокъ коллекцію монетъ Имп. Московскаго Университета и составилъ имъ соотвѣтствующее описаніе, выпущенное въ свѣтъ въ 1891 г. подъ заглавіемъ «Описаніе древнегреческихъ монетъ Московскаго Университета». Въ этой работѣ, вопреки Эккелю, онъ начинаетъ описаніе не съ монетъ древней Испаніи, а съ монетъ сѣверной Греціи и идетъ далѣе къ сѣ-

веру — къ Нижней и Верхней Мезіи, къ Сарматіи, Херсонесу Таврическому и Боспору Киммерійскому, не раздѣляя эти царства, какъ Эккель, на европейскую и азіатскую его части. Цари Скиѳовъ и цари Боспора помѣщены имъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Послѣ Боспора и Колхиды идутъ монеты Понта, Пафлагоніи и т. д. Особенно обстоятельно и подробно развилъ онъ это въ статьѣ «Монеты царей Гетовъ и царей Скиѳовъ» («Нум. Сборн.» III) и въ «Объясненіи къ нумизматической картѣ Черноморскаго побережья» (ibid.), приложивъ и самую карту. По этой картѣ ясно представляется и распредѣляется послѣдовательное географическое расположеніе сѣверныхъ греческихъ колоній. Если это географическое расположеніе болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ методикѣ Эккеля, то историческія основанія, привлеченныя сюда нашимъ ученымъ, въ корнѣ измѣняютъ взгляды Эккеля и позволяютъ дать дѣйствительно настоящую историко-географическую схему этихъ колоній отъ древней Мезіи (близъ Варны въ Болгаріи) и до Колхиды черезъ весь сѣверный берегъ Чернаго моря.

Эти результаты ученыхъ работъ А. В. Орѣшникова по греческой нумизматикѣ проведены здѣсь какъ самые крупные. Но долженъ повторить, что ни одна работа его въ этой области не обходится безъ весьма серьезныхъ и существенныхъ открытій, выводовъ и серьезнѣйшихъ исправленій въ наукѣ этого вопроса. Чтобы не быть голословнымъ, можно привести хотя бы слѣдующіе примѣры. Такъ, въ «Матер. по древн. нумизм. Черном. побережья», А. В. Орѣшниковъ высказывается, между прочимъ, что Керкинитида, основанная до VI в., могла первоначально служить мѣстопоселеніемъ гераклейскихъ колонистовъ, перенесшихъ затѣмъ колонію на болѣе удобный пунктъ», въ подтвержденіе чего онъ отмѣчаетъ, что около того же времени (500 г. д. Р. Хр.) считается и основаніе Херсониса гераклейцами, хотя никакихъ для этого до сихъ поръ данныхъ еще нѣтъ и кромѣ того, молчаніе Геродота о Херсонисѣ внушило нѣкоторыя сомнѣнія, что городъ въ то время существовалъ, и, наконецъ, древнѣйшіе памятники, принадлежащіе Херсонису — монеты, — едва ли восходятъ далѣе IV вѣка, тогда какъ древнѣйшія монеты Пантикапеи (осн. около 511 г.) смѣло могутъ быть отнесены къ концу или половинѣ V вѣка до Р. Хр. Замѣчаніе это было принято, затѣмъ, наукой какъ фактъ. Далѣе, ему же принадлежитъ разъясненіе изображенія на м. Керкинитиды лошади. Керкинитида была расположена у устья Гиппокириса, а лошадь по-гречески «Гиппосъ», вполнѣ соотвѣтствуетъ первой части названія рѣки. Отсюда вытекаетъ и возможность опредѣленія нахожденія и этой рѣки. Равнымъ образомъ и изображеніе на тѣхъ же монетахъ сидячей бородатой фигуры есть, по принятому объясненію Орѣшникова, изображеніе рѣчного божества той же рѣки Гиппокириса. Въ «Киликійскихъ монетахъ» онъ исправляетъ рядъ серьезныхъ ошибокъ Ваддингтона, Бабе-

лона и Т. Рейнака относительно времени чеканки понтійскихъ формъ Полемона II и его матери Антоніи Тругены, устанавливаетъ эпоху этихъ лицъ и предѣлы областей, данныхъ имп. Клавдіемъ Полемону, и т. д.

Вторая область научныхъ интересовъ А. В. Орѣшникова — херсоно-византійскія монеты, — бѣдна данными для примѣненія къ ней всей обширной эрудиціи автора, будучи суха и неинтересна ни съ точки зрѣнія исторіи искусства, ни съ бытовой. Въ ней какъ во многихъ другихъ отдѣлахъ византійской нумизматики главное затрудненіе является въ установленіи типовъ, хронологіи и дешифровки монограммъ. Въ этомъ направленіи и велись работы А. В. Орѣшникова, при чемъ ему удалось и тутъ достигнуть весьма важныхъ результатовъ, весьма серьезныхъ коррективъ въ разъясненіи темныхъ вопросовъ этого періода Византійской имперіи и своимъ методомъ привлеченія всевозможныхъ данныхъ и матеріаловъ оживить однообразіе и скуку этого отдѣла нумизматики. Къ этому отдѣлу относятся слѣдующія работы А. В. Орѣшникова: «Херсоно-византійскія монеты» («Тр. Нум. Общ.», III и отдѣльно, М. 1905), «Херсоно-византійскія монеты. Дополненія» («Нум. Сборн.», I, и отд., М. 1909), «Херсоно-византійская монета Романа I» (ibid.), и др.

Въ 1887 г. А. В. Орѣшниковъ занялъ должность старшаго хранителя въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ, гдѣ и продолжаетъ до сихъ свое плодотворное служеніе наукѣ. Въ его распоряженіе такимъ образомъ поступила хранящаяся въ Музеѣ извѣстнѣйшая коллекція русскихъ монетъ Черткова, нѣкогда описанная владѣльцемъ, но не вполнѣ удачно, такъ что описаніе это уже совсѣмъ не удовлетворяло современныя научныя требованія. А. В. Орѣшниковъ не могъ не заинтересоваться ею, и можно считать, что это обстоятельство и дало ему тотъ могущественный толчокъ, благодаря которому онъ сразу занялъ такое выдающееся положеніе среди русскихъ ученыхъ нумизматовъ и такъ много сдѣлалъ для освѣщенія многихъ темныхъ вопросовъ исторіи нашей удѣльно-вѣчевой системы въ ея историческихъ, археологическихъ, историко-географическихъ, генеалогическихъ и политическихъ вопросахъ. Обозрѣніе этой коллекціи было выпущено въ свѣтъ А. В. Орѣшниковымъ въ 1896 г. подъ заглавіемъ «Русскія монеты до 1547 г.» и составило первый выпускъ «Описанія памятниковъ» Имп. Росс. Истор. Музея имени Императора Александра III. Въ этой работѣ прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе окончательное выясненіе и упроченіе авторомъ terminus'a ad quem надо считать древнѣйшій періодъ монетнаго дѣла на Руси, т.-е. до реформы Іоанна Грознаго, установившаго впервые однообразный типъ и систему нашего денежнаго обращенія, что и принято нынѣ безповоротно въ наукѣ. Затѣмъ, довольно обширное введеніе въ этомъ трудѣ заключаетъ себѣ чрезвычайно строгое изслѣдованіе во-

проса о ходѣ постепеннаго развитія дѣла чеканки монетъ на Руси, начиная съ Московскаго Государства XIV вѣка и затѣмъ послѣдовательно черезъ великія и малыя княженія и вольные города Новгородъ и Псковъ до установленія единоличной царской власти Московскаго Государства во всей Россіи. Эта схема классификаціи историческимъ путемъ развитія монетнаго чекана у насъ, равнымъ образомъ, сразу выяснила всю планомѣрность этого развитія и также легла въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ работъ по русской нумизматикѣ вообще, какъ нѣчто уже незыблемое. Не оставилъ въ этой работѣ А. В. Орѣшниковъ безъ вниманія и древнѣйшій періодъ русскаго денежнаго обращенія — примитивныя мѣховыя и кожаныя цѣнности, слитки и кіевскія монеты X—XII вѣка. Распредѣливъ описаніе монетъ по схемѣ, установленной во введеніи, авторъ каждому отдѣлу великокняжескихъ, удѣльныхъ, городскихъ и царскихъ монетъ предпослалъ обзоръ соотвѣтствующей литературы и сжатый историческій очеркъ документальныхъ данныхъ, и рядъ соображеній и выводовъ, освѣщающихъ каждый данный періодъ. Въ результатѣ появилась работа, болѣе носящая характеръ исторической монографіи, чѣмъ описанія монетъ, а если прибавить сюда и цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ наблюденій автора надъ иконографической стороной монетныхъ данныхъ и его выводы, то нисколько не станетъ удивительнымъ, что этотъ трудъ сталъ настольной книгой для всѣхъ ученыхъ нумизматовъ и очень многихъ историковъ и спеціалистовъ по политической экономіи нашего средневѣковаго періода. Наконецъ, все тотъ же методъ всесторонняго разсмотрѣнія спорныхъ вопросовъ и привлеченіе къ этому разнообразнѣйшихъ данныхъ заставляетъ не только спеціалистовъ-нумизматовъ, но и представителей другихъ отраслей науки исторіи уже не ограничиваться одними лишь документальными данными, а трактовать вопросы и съ другихъ точекъ зрѣнія, въ особенности бытовыхъ и художественныхъ, что, конечно, оказываетъ лишь самое благотворное вліяніе на работы этихъ ученыхъ, ближе подводя ихъ къ правильному рѣшенію заданныхъ себѣ вопросовъ. Если обратиться къ «Русскимъ монетамъ до 1547 г.» ближе и взглянуть на нѣкоторыя детали этого труда, то нѣсколько примѣровъ будутъ вполнѣ достаточны, чтобы еще рельефнѣе отмѣтить какъ весь характеръ этого изслѣдованія, такъ и его значеніе.

Напримѣръ, во вступительной замѣткѣ къ отдѣлу «Древнѣйшія русскія монеты» онъ останавливается на такъ называемомъ «загадочномъ знакѣ» оборотной стороны этихъ монетъ и, основываясь на общепризнанномъ положеніи, что простѣйшія формы каждаго рисунка суть древнѣйшія, а сложныя — уже послѣдующія, все усложняющіяся въ поступательномъ ходѣ развитія, отмѣчаетъ, что простѣйшая форма загадочнаго знака принадлежитъ монетамъ Ярослава Мудраго. Отсюда само собою вытекаетъ

выводъ, что монеты со сложной формой этого знака должны принадлежать преемникамъ этого князя, а не предшественникамъ, и такимъ образомъ существенно должна измѣниться классификація этихъ древнѣйшихъ монетъ, установленная гр. И. И. Толстымъ и принятая пока въ наукѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это положеніе А. В. Орѣшникова намѣчаетъ и единственно правильный путь въ выясненіи эпохъ и принадлежности монетъ съ разными, сложными формами загадочнаго знака послѣдующимъ Кіевскимъ князьямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его же мнѣніе, что знакъ этотъ скорѣе всего «родовой» знакъ, а не случайное изображеніе, и суживаетъ и расчищаетъ путь къ его выясненію. Такого же характера соображенія А. В. Орѣшникова и его отношеніе къ разнообразнѣйшимъ изображеніямъ на монетахъ разныхъ удѣловъ и городскихъ, не говоря уже о важныхъ историческихъ и историко-географическихъ его замѣчаніяхъ относительно малоизвѣстныхъ удѣловъ и о бытовыхъ чертахъ монетнаго дѣла, подмѣченныхъ имъ при разборѣ и классификаціи русскихъ монетъ за указанный періодъ.

«Русскія монеты до 1547 г.» были первымъ печатнымъ трудомъ А. В. Орѣшникова въ области русской нумизматики. За нимъ послѣдовалъ рядъ цѣльныхъ и частью законченныхъ вполнѣ, частью постепенно развившихся въ послѣдующихъ работахъ статей и монографій по разнообразнѣйшимъ вопросамъ этого отдѣла русской исторіи, публиковавшихся почти исключительно въ «Трудахъ» Московскаго Нумизматическаго Общества и въ его же «Нумизматическомъ Сборникѣ», замѣнившемъ «Труды». Работы эти попрежнему охватываютъ собою все тотъ же періодъ до 1547 г., лишь изрѣдка заходя за этотъ предѣлъ въ XVII вѣкѣ. Ядромъ ихъ служитъ періодъ средневѣковья, или, лучше сказать, эпоха чеканныхъ русскихъ монетъ отъ начала его появленія, т.-е. съ XIV вѣка по вторую половину XVI. Однако и болѣе древнему періоду онъ удѣляетъ иногда вниманіе. Такова, напримѣръ, его «Опись серебрянымъ слиткамъ изъ собранія Имп. Росс. Истор. Музея» («Труды Нум. Общ.». II), гдѣ авторъ хотя и въ сжатой формѣ, но очень основательно подмѣтилъ типы этихъ слитковъ, разобралъ прежнюю ихъ классификацію, указалъ всѣ ея недостатки, выдѣлилъ слитки, носящіе уже монетныя и иныя клейма, и отмѣтилъ нѣкоторые ихъ типы, подлежащіе исключенію изъ области денежныхъ знаковъ. Главное же количество дальнѣйшихъ работъ А. В. Орѣшникова по русской нумизматикѣ принадлежитъ наиболѣе трудному и запутанному и наименѣе разработанному, а потому и очень важному періоду — удѣльно-вѣчевому, т.-е. русскому средневѣковью. Работы эти имъ опубликовались большею частью подъ однимъ общимъ заглавіемъ «Матеріалы по русской нумизматикѣ до царскаго періода» («Труды Нум. Общ.», II; «Нумизм. Сборн.». I) и заключающемъ въ себѣ цѣлый рядъ статей (11) по различнымъ сложнымъ вопросамъ этой эпохи, чрезвычайно остроумно

и строго научно имъ разбираемымъ. Иногда они являлись и отдѣльными статьями, какъ напр. «Бѣжецкія монеты» («Труды Нум. Общ»., III), «О кладѣ русскихъ денегъ, найденномъ въ с. Окуловѣ, Нижегородской губ.» («Нумизм. Сборн.». I) и т. п. Иногда же, наконецъ, они носили названіе рецензій, какъ напр., «Сообщеніе о трудѣ А. К. Маркова «О типахъ русскихъ монетъ XIV—XV вѣковъ» или «Сообщеніе о трудѣ гр. И. И. Толстого «Деньги вел. кн. Дмитрія Ивановича Донского» (обѣ въ «Нумизм. Сборн.», I). Однако же «рецензіи» надо признать въ сущности самостоятельными изысканіями автора по даннымъ вопросамъ, настолько онѣ полнѣе, серьезнѣе и доказательнѣе разбираемыхъ трудовъ и настолько мнѣнія А. В. Орѣшникова, его доказательства и выводы, часто идущіе совершенно въ разрѣзъ съ мнѣніями критикуемыхъ, серьезнѣе, доказательнѣе и научнѣе тѣхъ.

Вдаваться въ подробности указанныхъ статей А. В. Орѣшникова потребовало бы слишкомъ много времени и изложенія вслѣдствіе богатства разбросанныхъ тамъ новыхъ матеріаловъ, доказательствъ и соображеній. Ограничусь указаніемъ на поднятый и разрабатываемый имъ вопросъ о Нижегородско-Суздальскомъ княжествѣ, его роли въ исторіи Россіи, его значеніи въ дѣлѣ появленія первыхъ русскихъ чеканныхъ денегъ, на также возбужденный имъ же вопросъ о вліяніи татарскаго монетнаго дѣла на русское, на роль вѣса и вѣсовыхъ единицъ въ русской средневѣковой нумизматикѣ, на вопросы о монетной княжской регаліи, объ отношеніи къ ней царской Московской власти и т. д., не говоря уже о массѣ чисто историко-географическихъ соображеніяхъ въ вопросахъ установленія предѣловъ даннаго княжества, о выясненіи генеалогическихъ связей и линій разныхъ удѣльныхъ князей, о политическомъ значеніи одноименныхъ князей при выясненіи того, кто изъ таковыхъ могъ чеканить данныя монеты, о техникѣ монетнаго дѣла, о хронологическихъ признакахъ на монетахъ, объ ихъ иконографіи и т. д. Чрезвычайно важнымъ явилось введеніе А. В. Орѣшниковымъ, какъ необходимаго и важнаго матеріала въ нумизматическихъ вопросахъ — русской сфрагистики, этой до сихъ поръ еще не разработанной, но въ высшей степени интересной области историко-археологической науки. Ей онъ посвятилъ нѣсколько изслѣдованій, устанавливающихъ и взаимную связь между собою монетныхъ изображеній и изображеній на печатяхъ и ихъ важное вліяніе другъ на друга. Таковы его работы: «Матеріалы по Русской сфрагистикѣ. I. О связи сфрагистики съ нумизматикой. II. Привѣсныя металлическія печати великихъ князей Московскихъ, Тверскихъ и др. III. Привѣсныя печати посадниковъ и намѣстниковъ» («Труды Нум. Общ.». III), «Древнѣйшее изображеніе русскаго двуглаваго орла» (ibid., II), «Прибавленіе третьей короны на двуглавомъ орлѣ» («Нумизм. Сборн.» I), «Прикладная печать князя Мосальскаго-Рубца» (ibid.) и др. Привлеченіе сфрагистики дало весьма цѣнные ре-

зультаты, такъ же какъ и разработка А. В. Орѣшниковымъ и вопросовъ чистой сфрагистики, чему яркимъ примѣромъ можетъ служить статья «Прибавленіе третьей короны». Авторъ документально установилъ, что третья корона явилась лишь въ 1625 г., когда она офиціально была введена царскимъ указомъ. Такимъ образомъ, явился чрезвычайно важный моментъ въ области изученія существенныхъ признаковъ при хронологизаціи документовъ, предметовъ искусства и т. п., въ той или иной формѣ носящихъ на себѣ изображеніе орла съ 2 или 3 коронами, а по такимъ датированнымъ памятникамъ и выясненіе новыхъ признаковъ стиля и деталей извѣстной эпохи.

Эпоха позднѣйшая менѣе интересовала нашего ученаго. Однако и въ этой области его выступленія носили тотъ же характеръ серьезнаго и важнаго изслѣдованія заинтересовавшаго его вопроса, съ обычнымъ плодотворнымъ результатомъ. Таковы его работы, касающіяся «чеховъ», т.-е. особаго типа русскихъ монетъ съ латинскими надписями, чеканившихся при царяхъ Ѳеодорѣ, Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ для нашихъ пограничныхъ войскъ и подведенныхъ подъ тогдашнюю польскую монетную систему.

Наконецъ характерной является его статья «Челобитный знакъ Никифора» («Нум. Сборн.». I), гдѣ, объясняя оригинальный монетообразный знакъ съ надписью «Никиѳора челобитье», онъ даетъ цѣлый очеркъ древняго русскаго «челобитья» въ его оригинальныхъ, бытовыхъ особенностяхъ.

Подводя итоги всему сказанному и вглядываясь въ списокъ трудовъ А. В. Орѣшникова, нельзя не сказать, что, помимо полнаго соотвѣтствія всѣхъ его работъ § 2 условій медали имени гр. А. С. Уварова, они благодаря своему строго научному методу, глубоконаучнымъ результатамъ и значенію въ наукѣ съ лихвой заслуживаютъ быть увѣнчанными золотой медалью имени крупнѣйшаго русскаго ученаго-археолога графа Алексѣя Сергѣевича Уварова.

В. Трутовскій.

Списокъ трудовъ А. В. Орѣшникова.

I. По классической нумизматикѣ.

1. Zur Münzkunde des Cimmerischen Bosporus. Moskau. 1883.
2. Босфоръ Киммерійскій въ эпоху Спартокидовъ по надписямъ и царскимъ монетамъ. М. 1884 г.
3. То же въ «Трудахъ» IV Археологическаго Съѣзда, въ Одессѣ. Т. II. Одесса 1888.
4. Объ эрѣ на монетахъ Пиѳодориды, царицы Понта. М. 1885.

5. Монеты Боспорскаго царства и древнегреческихъ городовъ, находящихся въ предѣлахъ нынѣшней Россіи. (Каталогъ собранія гр. А. С. Уварова. Вып. VII). М. 1887.
6. Une monnaie au monogramme B. A. M. (Annuaire de la Soc. de Numis.). Macon. 1887.
7. A propos d'une nouvelle determination des monnaies au monogramme B. A. E. (Ibid.).
8. Nouvelle essai de chronologie des monnaies d'Assandre. (Ibid.). 1888.
9. О монетахъ скиѳскихъ царей съ именемъ гор. Ольвіи («Зап. И. Р. А. О.». т. IV). 1889.
10. Описаніе древне-греческихъ монетъ Московскаго Университета. М. 1891.
11. Матеріалы по древней нумизматикѣ Черноморскаго побережья. М. 1892.
12. Золотой статиръ архонта Игіэнонта. («Тр. Нум. Общ.». II). М. 1899.
13. То же на нѣмецкомъ яз. «Ein Goldstater des Archon Hygiainon» («Monatsblatt der Numis. Gesel. in Wien». Bd. I. 1900).
14. Монета царя Элія. («Труды Нум. Общ.. II).
15. Киликійскія монеты царя Марка Антонія Полемона. («Нум. Сборн.». I).
16. Объ изображеніи скиѳа на монетахъ Керкинитиды. (Ibid.).
17. О монетахъ Ольвіи. (Ibid.).
18. О монетахъ города Агриппіи. (Ibid.).
19. О двухъ мѣдныхъ монетахъ изъ собранія О. И. Прове (М. Агриппы II, царя Іудеи, и М. А. Полемона). (Ibid.).
20. Сообщеніе по поводу монетъ Колхиды. (Ibid.).
21. Монеты Херсонеса Таврическаго, царей Воспора Киммерійскаго и Полемона II Понтійскаго. («Нумизм. Сборн.». II).
22. Экскурсы въ область древней нумизматики Черноморскаго побережья. 1. Монеты царей Гетовъ и царей Скиѳовъ. — 2. Монеты Каркины, Тамираки и Гавани Истріанъ. — 3. Ольвійская и Боспорская монета съ головами Горгоны. — 4. Монеты Кесаріи и Агриппіи. — 5. Дополненіе къ нумизматикѣ Пантикапеи и Херсониса Таврическаго. — 6. Объясненіе къ нумизматической картѣ Черноморскаго побережья. — 7. Дополненіе къ нумизматикѣ Ольвіи, Керкинитиды, Херсониса Таврическаго и царей Боспора Киммерійскаго». (Нумизм. Сборн.. III. 1915).

II. По византійской нумизматикѣ.

1. Херсоно-византійскія монеты. («Труды Нум. Общ.». III).
2. Idem. Дополненія. («Нумизм. Сборн.», I).
3. Обозрѣніе монетъ, найденныхъ при раскопкахъ въ 1888 и 1889 г. (Матер. Имп. Археологич. Коммис., в. 7).
4. Херсоно-византійская монета Романа I. («Нумизм. Сборн.», I).

5. Отзывъ о трудѣ W. Wroth—Catalogue of the Imperial Bysantine coins in the Britisch Museum. London. 1908 (Ibid.).

III. По западно-европейской нумизматикѣ.

1. О тестонѣ папы Климента VII 1530 г. («Нумизм. Сборн.», I).

IV. По русской нумизматикѣ.

1. Русскія монеты до 1547 года. Имп. Росс. Истор. Музей. Описаніе памятниковъ. Вып. I. М. 1896.
2. Опись серебрянымъ слиткамъ изъ собранія Имп. Рос. Истор. Музея. («Труды Нумизм. Общ.». II).
3. О серебряныхъ отрубкахъ особой формы, найденныхъ близъ фольварка Романова, Калишской губ. («Нумизм. Сборн.». I).
4. Матеріалы по русской нумизматикѣ до царскаго періода. I. Древнѣйшее русское изображеніе двуглаваго орла. — II. О монетахъ удѣльнаго княжества Ростовскаго. — III. О монетахъ удѣльнаго княжества Ярославскаго. — IV. О монетахъ великаго княжества Суздальско-Нижегородскаго. («Труды Нумизм. Общ.». II).
5. Русскія монеты удѣльнаго періода какъ археологическій матеріалъ. (Ibid.).
6. Матеріалы по русской нумизматикѣ до царскаго періода. V. Спасскія деньги. — VI. Тверской кладъ. — VII. Устюженскій кладъ. — VIII. Три неизданныя монеты Историческаго Музея. (Ibid).
7. Бѣжецкія монеты. («Труды Нумизм. Общ.». III).
8. Матеріалы по русской нумизматикѣ до царскаго періода. IX. Татарскія деньги съ причеканкою русскихъ буквъ. — X. О нѣкоторыхъ монетахъ великаго княжества Рязанскаго. — XI. Кашинскій пулъ. («Нумизм. Сборн.». I).
9. О кладѣ русскихъ денегъ, найденномъ въ с. Окуловѣ, Нижегородской Горбатовскаго у. Краткій отчетъ. (Ibid.).
10. То же въ полномъ видѣ въ «Извѣст. Имп. Археол. Ком.», в. 27.
11. Сообщеніе о трудѣ А. К. Маркова «О типахъ русскихъ монетъ XIV—XV вѣковъ» Краткій отчетъ. («Нумизм. Сборн.», I).
12. Сообщеніе о трудѣ гр. И. И. Толстого «Деньги вел. кн. Дмитрія Ивановича Донскаго». (Ibid.).
13. О документѣ, содержащемъ указъ царя Θеодора Алексѣевича 1677 г. о чеканкѣ чеховъ въ г. Путивлѣ. (Ibid.).
14. О документѣ, принадлежащемъ Московскому Архиву Министерства Юстиціи и сообщающемъ указъ царей Іоанна и Петра о сѣвскихъ чехахъ, битыхъ въ 1686 и 1687 годахъ. (Ibid.).

V. По сфрагистикѣ.

1. Матеріалы къ русской сфрагистикѣ. I. О связи сфрагистики съ нумизматикой. — II. Привѣсныя металлическія печати великихъ князей Московскихъ, Тверскихъ и др. — III. Привѣсныя печати посадниковъ и намѣстниковъ. («Труды Нумизм. Общ.», III).
2. Прибавленіе третьей короны на двуглавомъ орлѣ. («Нумизм. Сборн.», I).
3. Прикладная печать князя Мосальскаго-Рубца. (Ibid.).
4. О печати богини Дѣвы, упоминаемой въ одной херсонесской подписи. («Нумизм. Сборн.», II).

VI. По моделямъ и жетонамъ.

1. Челобитный знакъ Никиоора. («Нумизм. Сборн.», I).
2. Полтавская медаль и плакета Гоголя (Ibid.).
3. Медаль въ память столѣтія Московскаго Университета. (Ibid.).
4. О новомъ трудѣ Рицполи «О медали кардинала Пьетро Бембо, приписываемой работѣ Бенвенутто Челлини». (Ibid.).
5. О двухъ медаляхъ: въ память 50-лѣтія Парижскаго трактата 1856 г. и о медали въ память кн. Васильчикова. (Ibid.).
6. О монетѣ, впервые исполненной на С.-Пб. Монетномъ дворѣ, съ потретомъ Л. О. Давыдова. (Ibid.).
7. Московская медаль въ память столѣтія Отечественной войны. («Нумизм. Сборн.». II).
8. О медаляхъ, чеканенныхъ на С.-Пб. Монетномъ дворѣ въ 1910—1911 г. (Ibid.).

VII. По археологическимъ памятникамъ.

1. Нѣсколько замѣчаній о древностяхъ, найденныхъ въ с. Парутинѣ въ 1891 г. («Древности», т. XV, в. 2).
2. Памятникъ XV в. находящійся въ Бѣлой Палатѣ, въ Ростовѣ. («Арх. Изв. и Зам.», II).
3. Замѣтка о потирѣ Переславль-Залѣсскаго собора. («Арх. Изв. и Зам.» V).
4. Аптекарская посуда времени Петра Великаго. («Стар. Годы». 1908 г., февраль).

VII.

Ученыя заслуги В. В. Суслова.

Императорское Московское Археологическое Общество поручило мнѣ дать отзывъ о научныхъ трудахъ академика архитектуры Владимира Васильевича Суслова. Исполняя это порученіе Общества, я прежде всего долженъ указать на то, что В. В. Сусловъ является однимъ изъ немногихъ спеціалистовъ-архитекторовъ, посвятившихъ большую часть своего многолѣтняго труда дѣлу изученія и научнаго обслѣдованія памятниковъ древне-русскаго искусства; во всѣхъ этихъ трудахъ видна исключительная любовь къ родной старинѣ, большая наблюдательность и серьезное отношеніе къ трактуемому предмету. Свои работы по изученію древняго русскаго зодчества В. В. Сусловъ началъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда онъ для этой цѣли былъ командированъ Императорской Академіей Художествъ; молодой въ то время зодчій-художникъ ревностно принялся за работу, совершалъ поѣздки почти по всей Россіи, обслѣдовалъ деревянное зодчество Сѣвернаго края, Сибири и Донской области, памятники Новгородско-Псковской, Владимиро-Суздальской и Московской эпохи; ознакомился съ памятниками Швеціи и Норвегіи и даже съ незамысловатымъ строительствомъ калмыцкихъ степей; отъ наблюдательности ученаго-художника не ускользнули и встрѣчавшіяся на пути его научныхъ работъ, бытовыя особенности народа, его обычаи, промыслы и проч.

Результатомъ неутомимой дѣятельности В. В. Суслова явился цѣлый рядъ его литературныхъ и художественныхъ работъ въ области изученія русскаго искусства, имѣющихъ большую научную цѣнность; о томъ, какъ эти работы исполнялись, можно судить хотя бы по тому, что, намѣтивъ для изученія памятники Архангельской и Олонецкой губерній, В. В. Сусловъ отправляется туда черезъ Швецію и Норвегію, дабы ознакомиться съ древнимъ искусствомъ этихъ странъ и предварительно получить ясное представленіе о томъ, поскольку оно имѣло отношеніе къ нашему сѣверному искусству; результатомъ этой поѣздки на Сѣверъ появился трудъ В. В. Суслова «Путевыя записки о сѣверѣ Россіи и Норвегіи». С.-Петербургъ. 1889 г. Въ этомъ своемъ трудѣ авторъ, сравнивая предметы домашняго обихода (скалки, прялки, ящики и проч.) у насъ и въ Скандинавіи, приходитъ къ заключенію, что въ общихъ своихъ формахъ и въ орнаментикѣ эти предметы почти не имѣютъ разницы, — что же касается памятниковъ церковнаго зодчества, то здѣсь трудно найти хотя бы малѣйшее сходство; авторъ полагаетъ, что церковная архитектура Швеціи и Норвегіи съ принятіемъ христіанства была заимствована съ Запада, орнаментика же, состоящая изъ фантастическихъ сплетеній и унаслѣдованная народомъ, вѣроятно, отъ бронзоваго періода,

естественно продолжалась и въ христіанствѣ; характеръ рѣзныхъ украшеній явился въ Скандинавіи позднѣе, чѣмъ у насъ, гдѣ онъ болѣе распространенъ.

Далѣе въ этомъ своемъ трудѣ авторъ попутно описываетъ характеръ и типы построекъ городовъ Норвегіи, а также китоловные и рыбные промыслы и уже послѣ этого переходитъ къ основной своей задачѣ по описанію и обслѣдованію памятниковъ зодчества Сѣвернаго края. На эту работу почтеннымъ В. В. Сусловымъ былъ положенъ огромный трудъ, который начатъ въ разсматриваемой нами книгѣ, но законченъ въ прекрасномъ изданіи Императорской Академіи Художествъ «Памятники древняго русскаго зодчества»[1]) и въ статьѣ «О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи»[2]). Вышепоименованныя работы В. В. Суслова, дополняя другъ друга, даютъ вполнѣ законченный, научно-разработанный трудъ по изученію нашего сѣвернаго деревяннаго зодчества. Эта цѣнная работа сопровождается чертежами: планами, фасадами, разрѣзами и различными деталями отдѣльныхъ частей памятниковъ, а частію и ихъ реставраціей[3]).

---

[1]) Издано подъ редакціей В. В. Суслова. Семь выпусковъ въ 1895—1901 гг.

[2]) Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества академика архитектуры В. В. Суслова. С.-Петербургъ 1889 г.

[3]) Въ изданіи «Памятники древне-русскаго зодчества» помѣщены слѣдующія работы В. В. Суслова по деревянному зодчеству, исполненныя имъ по зарисовкамъ и обмѣрамъ въ натурѣ:

Архангельской губерніи.

1) Церковь св. Параскевы въ с. Шуѣ.
2) Церк. въ пасадѣ Уна.
3) Колокольня въ с. Унежмѣ, Онежскаго уѣзда.
4) Соборъ Успенія Пресв. Богородицы въ Кеми.
5) Церк. Вознесенія Господня въ с. Кушерѣцкомъ.
6) Церк. Св. Троицы въ пасадѣ Ненакса.
7) Церк. Благовѣщенія Пр. Богородицы въ с. Посадномъ.
8) Церк. въ с. Подпорожьѣ, Онежскаго уѣзда.
9) Соборъ Благовѣщенія Пр. Богородицы въ г. Шенкурскѣ.
10) Церк. Св. Николая Чуд. въ Уемскомъ приходѣ.
11) Церк. Флора и Лавра въ с. Благовѣщенскомъ Шенкурскаго уѣзда.

Вологодской губерніи.

12) Церк. Успенія Пр. Богородицы въ с. Черевсковѣ, Сольвычегодскаго уѣзда.
13) Колокольня на Нижне-Уфтюгскомъ погостѣ.
14) Изба въ с. Воробьевскомъ.
15) Церк. Свв. Константина и Елены въ с. Заборьѣ, Тотемскаго уѣзда.
16) Церк. Успенія Пресв. Богородицы на Нижне-Уфтюгскомъ погостѣ, Соловычегодскаго уѣзда.
17) Церк. Владимирской Божіей Матери и Св. Иліи Пророка на Бѣлослуцкомъ погостѣ, Соловычегодск. уѣзда.
18) Церк. Воскресенія Христова на Пермогорскомъ погостѣ.
19) Церк. Спаса Преобр., что въ Кокшенгѣ, Тотемск. уѣзда.
20) Деревянная церковь въ Тотемскомъ уѣздѣ.
21) Церк. Св. Николая въ с. Подмонастырскомъ.

Олонецкая губернія.

22) Крыльцо церкви Богоявленія въ Лядинскомъ приходѣ. Кромѣ того исполнены детали деревянныхъ построекъ и старинныхъ церковныхъ предметовъ Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерній.

Изучивши памятники деревяннаго зодчества нашего Сѣвера, авторъ приходитъ къ нижеслѣдующему выводу: Искусство нашего Сѣвернаго края выросло среди чисто-русской народной жизни. Оно зародилось еще съ первыми зачатками христіанской общинной жизни, и что ни дѣлалось въ Суздальскомъ краѣ, куда шли мастера «отъ всѣхъ земель», оно продолжало свою жизнь; тихою, но твердою поступью оно проникало въ глубь Сѣвера и тамъ собственными силами развивалось почти до половины прошлаго (XVIII) столѣтія; «наносное», чужое искусство не подходило къ жизни народа и вслѣдствіе естественныхъ требованій и развитія національнаго творчества должно было отойти отъ деревянныхъ сооруженій. До XVI вѣка деревянная архитектура не вступала въ соперничество съ обычными у насъ формами Византійскаго зодчества, но какъ только народное искусство назрѣло, то первый же починъ примѣненія деревянныхъ формъ къ каменной архитектурѣ, внесъ съ XVI вѣка въ каменную архитектуру значительныя перемѣны, и тогда она становится самостоятельною величиною, въ особенности въ эпоху царя Алексѣя Михайловича.

Когда русская жизнь въ XVIII вѣкѣ очутилась въ тискахъ Запада, то и обычныя формы русскихъ построекъ стали измѣняться не только въ центральной государственной жизни, но и въ самомъ народѣ. На дальнемъ Сѣверѣ, куда еще не могло скоро проникнуть вліяніе Запада, наше мастерство продолжало свое дѣло до половины XVIII вѣка. Въ это время наступаетъ полный разладъ. Свое искусство начинаютъ пополнять непонятными народу пришлыми формами и бросаютъ народныя традиціи: за какое-нибудь одно столѣтіе народъ убилъ въ себѣ вѣковыя традиціи искусства и даже пересталъ видѣть достоинства прошлаго, не храня, а постоянно искажая его.

Такимъ образомъ В. В. Сусловъ, давши полную картину развитія сѣвернаго деревяннаго зодчества, — въ своей статьѣ «Памятники древней деревянной архитектуры въ южной Россіи»[1], останавливается на зодчествѣ Донского края. Здѣсь авторъ указываетъ на позднее появленіе архитектурныхъ памятниковъ, такъ какъ до XVIII вѣка жизнь казаковъ была военная и никакихъ ремеслъ, видимо, не развивалось; о построеніи церквей до XVII вѣка почти нѣтъ никакихъ указаній; когда въ это время явилась потребность въ храмовой архитектурѣ, они, очевидно, обращались къ готовымъ уже образцамъ; что же касается утвари и другихъ художественныхъ вещей, то таковыя получались изъ Москвы.

Южно-русскія древнія деревянныя церкви по плану, — В. В. Сусловъ дѣлитъ на три типа: первый состоитъ изъ трехъ или четырехъ восьмиуголь-

---

[1]) Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества, академика архитектуры В. В. Суслова. С.-Петерб. 1889 г.

ныхъ срубовъ, соединенныхъ по направленію отъ востока къ западу; второй— изъ трехъ рядовъ такихъ срубовъ, соединенныхъ вмѣстѣ, и третій — представляетъ собой форму креста. По внѣшнему же виду онѣ могутъ быть разграничены: на одноглавыя, трехглавыя и многоглавыя. Архитектура церквей въ южной полосѣ Россіи, Галиціи и отчасти въ Буковинѣ принадлежитъ къ одному и тому же стилю; древнія церкви сѣверной Россіи не имѣютъ родственнаго сходства съ южными церквами и самая архитектура того и другого края имѣетъ свою исторію.

Средняя и южная полоса Россіи подвергалась различнымъ невзгодамъ и разореніямъ, что сравнительно рѣдко достигало Сѣвера, а потому и искусству Сѣвера отводится нѣкоторый покой и бо́льшая возможность его дальнѣйшаго развитія; здѣсь оно жило, хотя и небогато по сравненію съ другими искусствами, но самостоятельно и правдиво. Почти въ каждомъ памятникѣ сѣверной архитектуры видны простота, раціональность и художественная красота. Не то встрѣчается въ Донской области,—тамъ искусство не жило, а только примѣнялось въ готовыхъ образцахъ къ извѣстнымъ духовнымъ нуждамъ народа, безъ достаточнаго отчета въ конструктивности формъ. Но такое положеніе искусства не можетъ быть отнесено къ отсутствію художественной чуткости народа, который поздно получилъ возможность нормальнаго своего существованія, а когда это случилось, то національное искусство подъ натискомъ Запада очутилось въ опалѣ. Такимъ образомъ церковностроительное дѣло юга Россіи не имѣло прямой связи съ нашей сѣверной архитектурой; къ другому выводу приходитъ В. В. Сусловъ, говоря о деревянномъ зодчествѣ Сибири [5]), которое, по его мнѣнію, съ самаго своего начала шло по тому же пути и по тѣмъ же народнымъ завѣтамъ, по какимъ оно создавалось въ самобытной жизни русскаго Сѣвера и видоизмѣнялось во всемъ русскомъ искусствѣ.

Кромѣ вышеуказанныхъ трудовъ В. В. Суслова о деревянномъ зодчествѣ имъ были помѣщены отдѣльныя статьи въ различныхъ журналахъ и научныхъ изданіяхъ.

Переходя къ трудамъ академика Суслова, посвященнымъ древнерусскому каменному зодчеству, мы прежде всего должны отмѣтить весьма цѣнную въ научномъ отношеніи его работу, очень скромно изданную и озаглавленную: «Матеріалы къ исторіи древней Новгородско-Псковской архитектуры. С.-Петербургъ. 1888 г.». Въ этомъ серьезнѣйшемъ трудѣ авторъ въ сжатой формѣ, не внося ничего лишняго, послѣдовательно и съ опредѣленной системой прослѣдилъ развитіе Новгородско-Псковскаго зодчества по наиболѣе характернымъ его памятникамъ; здѣсь обращено вниманіе на

---

[5]) Деревянное зодчество Сибири, В. В. Суслова. Исторія Русскаго Искусства, И. Грабарь.

измѣненіе плановъ церквей, придѣловъ, крылецъ, покрытій, украшеній фасадовъ, внутренняго устройства и проч., въ зависимости отъ времени, конструктивныхъ особенностей и практическихъ требованій; такъ же разобраны типы колоколенъ и звонницъ, формы главъ, оконъ и проч. Въ этомъ своемъ трудѣ авторъ лишь не коснулся военной и гражданской архитектуры, что, очевидно, не входило въ поставленную имъ себѣ задачу.

Въ заключеніе этого капитальнаго труда академикъ Сусловъ ходъ и значеніе Новгородско-Псковской архитектуры резюмируетъ такъ:

Съ появленіемъ первой церкви Св. Софіи по Византійскому плану, въ строительномъ дѣлѣ, видимо, сразу начинается какое-то броженіе: появляется новый (крестовый) типъ малыхъ церквей, примѣняется значеніе хоръ, пристраиваются высокія башни: трехъабсидный алтарь превращается въ одноабсидный и въ украшеніе фасадовъ входятъ нѣкоторыя черты нѣмецко-романскихъ церквей. Все это затѣмъ сопоставляется съ обычными дотолѣ формами деревянныхъ построекъ, и въ силу практическихъ воззрѣній, наконецъ, устанавливается извѣстный типъ Новгородскихъ храмовъ: большаго искусства здѣсь не сказалось, но, слѣдуя за разными видоизмѣненіями формъ памятниковъ предыдущихъ и послѣдующихъ эпохъ, нельзя не признать, что зодчество Новгородско-Псковскаго края всегда искало своей самостоятельности въ жизни, но выступать на ряду уже съ зрѣлыми элементами Византійскаго и Западнаго искусствъ оно не рѣшалось. Въ XIV и XV вѣкахъ, когда наружныя формы церквей приняли однообразный характеръ, то, кромѣ внутреннихъ видоизмѣненій, Новгородское зодчество почти не развивалось, и только вдали отъ центровъ тогдашней жизни энергично продолжалось плотничное мастерство; что же касается производства разныхъ церковныхъ вещей (рѣзьба по дереву, чеканка и т. п.), то это искусство, видимо, шло довольно смѣло и если заносились извнѣ какія-либо формы, то всѣ онѣ получали какой-то своеобразный русскій оттѣнокъ.

Затѣмъ, когда стала разлагаться общинная жизнь Новгорода, основы общественной жизни настолько расшатались, что погромъ Московскій положилъ конецъ не только самостоятельной политической жизни, но и измѣнилъ самый ходъ искусства. Начинаются выселенія новгородцевъ въ Москву, а отсюда назначаются въ Новгородъ намѣстники и владыки. Вмѣстѣ съ этимъ и архитектура новгородцевъ тоже стала получать характеръ московской архитектуры.

Такимъ образомъ древняя самостоятельная жизнь мощнаго Новгорода окончилась, и началась новая сильная жизнь Московскаго государства. Одни мастера Новгорода и Пскова бѣгутъ на окраины нашего Сѣвера и продолжаютъ плотничное искусство, а другія лучшія силы мастеровъ требуются въ Москву на каменныя работы. Всѣ лучшія вещи Новгорода и Пскова потя-

нулись на Москву, — послѣдняя съ уничтоженіемъ татарскаго ига вызываетъ къ себѣ разныхъ художниковъ и обстраивается съ какимъ-то лихорадочнымъ воодушевленіемъ. Здѣсь сталкиваются два сильныхъ направленія въ искусствѣ, одно — чисто народное, выразившееся во многихъ чертахъ Новгородско-Псковской каменной архитектуры и въ деревянныхъ постройкахъ со всевозможною рѣзьбою по дереву, а другое — въ цѣлой массѣ различныхъ вліяній Византійско-Ломбардской архитектуры, и все, что родилось и воспиталось на нашей почвѣ, дало блестящій рѣшительный ударъ наноснымъ формамъ, и съ могучей силой выступаетъ на арену самостоятельной жизни. Не мудрено, что въ XVI ст. столько скопилось у насъ новыхъ конструктивныхъ и художественныхъ формъ среди продолжавшагося тогда Владимиро-Суздальскаго зодчества, что подъ первыми же руками талантливаго художника является та комбинація архитектурныхъ формъ, которая весьма полно и оригинально вылилась въ церковь Василія Блаженнаго. И какъ только этотъ блестящій почннъ величественно поднялся среди другихъ искусствъ, то народное творчество начинаетъ окончательную борьбу за самостоятельность и съ полнымъ успѣхомъ выходитъ на свою давно желанную дорогу. Новгородско-псковскіе мастера начинаютъ припоминать, что въ ихъ новыхъ каменныхъ работахъ выходятъ какіе-то знакомые, давно родные имъ мотивы, и мы видимъ, что въ XVI и XVII вѣкахъ по всей Руси Великой пошло одно, такъ сказать, органически сложившееся національное русское искусство.

Кромѣ указаннаго выше труда по новгородскому зодчеству В. В. Сусловымъ были детально обслѣдованы нѣкоторые отдѣльные памятники, имѣющіе важное значеніе въ исторіи этого зодчества, — между ними мы отмѣтимъ «Церковь Успенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Волотовѣ, близъ Новгорода, построенная въ 1352 г.»[6]). Здѣсь авторъ произвелъ самые обстоятельные обмѣры и исполнилъ по нимъ не только планы, фасады, разрѣзы и многія детали сооруженія, но зарисовалъ всю древнюю стѣнопись и сдѣлалъ многіе рисунки акварелью.

Въ предисловіи къ этому труду Предсѣдатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общеста Гр. П. С. Уварова между прочимъ писала: «Издавая описаніе Волотовской церкви, Императорское Московское Археологическое Общество не можетъ не высказать пожеланія, чтобы и второй, болѣе великій, трудъ В. В. Суслова т.-е. описаніе и чертежи Св. Софіи Новгородской, обмѣры которой имъ были сдѣланы во время реставраціи храма, послѣ столькихъ лѣтъ ожиданій, былъ бы наконецъ изданъ». Но, къ сожалѣнію, трудъ этотъ, потребовавшій отъ его автора большого напря-

[6]) Труды Моск. Предвар. Комитета XV Археолог. съѣзда. Томъ II, подъ редакціей гр. Уваровой. Москва 1911 г.

женія силъ, представляющій изъ себя огромный научный и художественный интересъ, до сихъ поръ еще не изданъ, и нужно пожелать, чтобы столь цѣнная работа эта была доступна для ознакомленія съ ней всѣхъ интересующихся русскимъ искусствомъ.

Еще слѣдуетъ отмѣтить совмѣстный трудъ В. В. Суслова съ Н. Е. Бранденбургомъ «Старая Лагода», помѣщенный въ трудахъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, изданныхъ по случаю 50-лѣтняго его юбилея.

Переходя къ дальнѣйшему ознакомленію съ трудами В. В. Суслова, мы должны указать на серьезныя его работы по обслѣдованію Владимиро-Суздальскаго края, а именно: статья «Древніе соборы въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ» [7]). Здѣсь авторъ, между прочимъ, обстоятельно изслѣдуетъ интереснѣйшій памятникъ зодчества, — Воскресенскій Борисоглѣбскій Соборъ и попутно даетъ общій обзоръ мотивовъ церковныхъ построекъ XVII вѣка.

Цѣлый рядъ древнихъ памятниковъ этого края академикъ В. В. Сусловъ обмѣрилъ, обслѣдовалъ и зарисовалъ; многіе изъ нихъ [8]) помѣщены въ изданіи Императорской Академіи Художествъ: «Памятники древне-русскаго зодчества», при этомъ къ нимъ приложено описаніе и историческія о памятникахъ данныя, собранныя и обработанныя В. В. Сусловымъ. Кстати, говоря объ этомъ изданіи Академіи, нужно по справедливости отмѣтить всю важность этого труда для изученія русскаго искусства; это изданіе является необходимымъ пособіемъ какъ для спеціальныхъ учебныхъ заведеній, такъ равно и для всѣхъ изучающихъ памятники родной старины. Главный трудъ по этому изданію выпалъ на долю В. В. Суслова, какъ редактора, которому принадлежитъ и весь текстъ [9]).

Слѣдуетъ пожелать, чтобы это великолѣпное изданіе не ограничилось семью изданными выпусками, а возродилось бы вновь, на великую пользу дѣлу изученія русскаго искусства.

---

[7]) Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества, В. В. Суслова. С.-Петерб. 1889 г.

[8]) 1) Часовня Никитскаго монастыря въ г. Переяславлѣ-Залѣсскомъ.
2) Колокольня церк. Рождества Христова въ г. Ярославлѣ.
3) Церк. Рождества Христова въ Ростовѣ-Великомъ.
4) Келіи Успенскаго монастыря въ г. Александровѣ.
5) Церк. Св. Петра Митрополита въ г. Переяславлѣ-Залѣсскомъ.
6) Часовня Өеодоровскаго монастыря въ г. Переяславлѣ-Залѣсскомъ.
7) Колокольня Успенскаго монастыря въ г. Александровѣ.
8) Церк. Казанской Б. Матери въ г. Муромѣ.
9) Частные дома въ г. Гороховцѣ.
10) Соб. Воскресенія Христова въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ.
11) Башня надъ Св. Воротами Спасо-Евфиміевскаго монастыря.
12) Церк. Упраздненнаго Воскресенскаго мон. въ Угличѣ.
13) Колокольня церкви Іоанна Предтечи въ Угличѣ.

[9]) Редакціонную Комиссію кромѣ В. В. Суслова составляли профессора Академіи: А. Н. Померанцевъ, В. В. Мате, Г. И. Котовъ и М. Т. Преображенскій.

В. В. Сусловъ въ своей статьѣ: «Взглядъ на одну изъ формъ наружнаго покрытія древне-русскихъ церквей»[10]), обстоятельно разобралъ пріемъ интереснѣйшаго сводчатаго перекрытія въ церкви Спаса на Сѣняхъ, въ связи съ наружнымъ покрытіемъ этого выдающагося памятника.

По вопросу о церковныхъ сводахъ имѣется трудъ В. В. Суслова «О сводчатыхъ перекрытіяхъ въ церковныхъ памятникахъ древне-русскаго зодчества»[11]).

На первомъ Всероссійскомъ Съѣздѣ Русскихъ Зодчихъ В. В. Сусловъ прочелъ докладъ: «О раціональномъ развитіи отечественнаго зодчества»[12]) — какъ по важности затронутаго вопроса, такъ и по его обоснованію и заключительнымъ выводамъ работа эта заслуживаетъ вниманія. Здѣсь авторъ, говоря о возвратѣ къ формамъ древне-русскаго зодчества, указываетъ, что это явленіе не случайное, а вызвано общимъ пробужденіемъ русскаго народа къ самостоятельной жизни. Задавшись возрожденіемъ отечественнаго искусства, мы должны строго разобраться въ добытомъ матеріалѣ и вникнуть во всѣ жизненныя формы, которыя подлежатъ дальнѣйшему усовершенствованію или могутъ служить источникомъ художественныхъ вдохновеній. Древне-Русское зодчество, если и не имѣетъ совершенныхъ формъ, тѣмъ не менѣе оно сложилось на правдивыхъ началахъ, и это уже большой залогъ его будущаго процвѣтанія. Далѣе въ этой интересной статьѣ разобраны наиболѣе характерныя формы русскаго зодчества.

Изслѣдованія В. В. Суслова въ области древней архитектуры коснулись и многихъ другихъ мѣстъ Россіи,—нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ[13]) помѣщены въ изданіи Императорской Академіи Художествъ; здѣсь также, кромѣ описанія ихъ, помѣщены планы, фасады, разрѣзы и др. чертежи, исполненные по обмѣрамъ въ натурѣ. Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить трудъ В. В. Суслова о калмыцкихъ постройкахъ[14]); здѣсь обслѣдованы и описаны зимнія

---

[10]) Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества, акад. архит. В. В. Суслова. С.-Петерб. 1889.

[11]) Труды II Съѣзда Зодчихъ въ Москвѣ. Издано Моск. Архитект. Общ. подъ редакціей И. П. Машкова. Москва, 1899 г.

[12]) Труды I Съѣзда Русскихъ Зодчихъ въ С.-Петербургѣ въ 1892 г. С.-Петербургъ, 1894 г.

[13]) 1) Церк. с. Маркова, Бронницкаго уѣзда, Московск. губ.
2) Колокольня ц. Николая Чуд. въ Пыжахъ въ Москвѣ.
3) Церк. Покрова Пресв. Богородицы въ Москвѣ.
4) Церк. и звонница въ с. Вяземахъ, Звенигород. уѣзда.
5) Колокольня Саввино-Сторожевскаго монастыря.
6) Галлерея при кладовыхъ Спасо-Прилуцкаго мон. въ Вологдѣ.
7) Детали каменныхъ церквей Олонецкой губ.
8) Колокольня Іоанно-Предтеченскаго монастыря въ г. Казани.
9) Башня Сумбеки въ г. Казани.
10) Спасская кремлевская башня въ г. Казани.
11) Порталъ церкви Свв. Константина и Елены въ г. Вологдѣ.

[14]) Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества, акад. архитек. В. В. Суслова. С.-Петербургъ, 1889 г.

и лѣтнія помѣщенія монастырей и жилищъ калмыковъ, при чемъ авторъ коснулся и бытовой стороны ихъ жизни, устройства юртъ и проч.

Далѣе укажемъ на капитальныя работы В. В. Суслова,—къ величайшему сожалѣнію, еще не изданныя и находящіяся въ Императорской Академіи Художествъ, а именно: 1) Древне-армянскія церкви и Генуэзскія укрѣпленія въ Өеодосіи и 2) Генуэзскія крѣпостныя укрѣпленія въ Мал. Судакѣ, въ Крыму. Эти работы сопровождаются большимъ количествомъ чертежей и рисунковъ, снятыхъ съ натуры.

Знатокъ и любитель русской старины, В. В. Сусловъ не могъ не отозваться на злободневный вопросъ объ охранѣ памятниковъ старины [15]) и въ своемъ докладѣ по этому вопросу онъ указываетъ, что долгъ каждаго гражданина своей страны — хранить, изучать и пользоваться культурнымъ наслѣдіемъ своихъ предковъ, а потому охрана памятниковъ старины имѣетъ воспитательное и просвѣтительное значеніе.

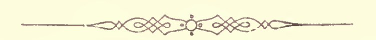
Всѣ труды В. В. Суслова проникнуты не только любовью къ родному искусству, но глубокою вѣрою въ его цвѣтущую будущность. В. В. Сусловъ сумѣлъ исполнить долгъ гражданина своей страны, онъ изучалъ и пользовался культурнымъ наслѣдіемъ предковъ своего народа и, изучивши, стремился передать свои познанія другимъ.

Въ своихъ художественныхъ работахъ В. В. Сусловъ слѣдовалъ вѣрно понятымъ имъ завѣтамъ далекаго прошлаго русскаго народнаго творчества, что такъ ярко выразилось въ одномъ изъ его послѣднихъ трудовъ [16]): «Русское зодчество по преданіямъ старины»; здѣсь мы видимъ наброски художника-поэта,—не рабски копирующаго памятники прошлаго, но создающаго образы архитектурныхъ формъ въ духѣ родного народнаго творчества, главнымъ образомъ наиболѣе излюбленнаго имъ искусства нашего Сѣвера и Великаго Новгорода.

Въ заключеніе настоящаго своего отзыва о трудахъ Академика Архитектуры В. В. Суслова я признаю ихъ большое научное значеніе, а потому полагаю, что труды эти достойны быть отмѣчены установленной наградой — золотой медалью имени графа А. С. Уварова, о чемъ и имѣю честь представить Обществу.

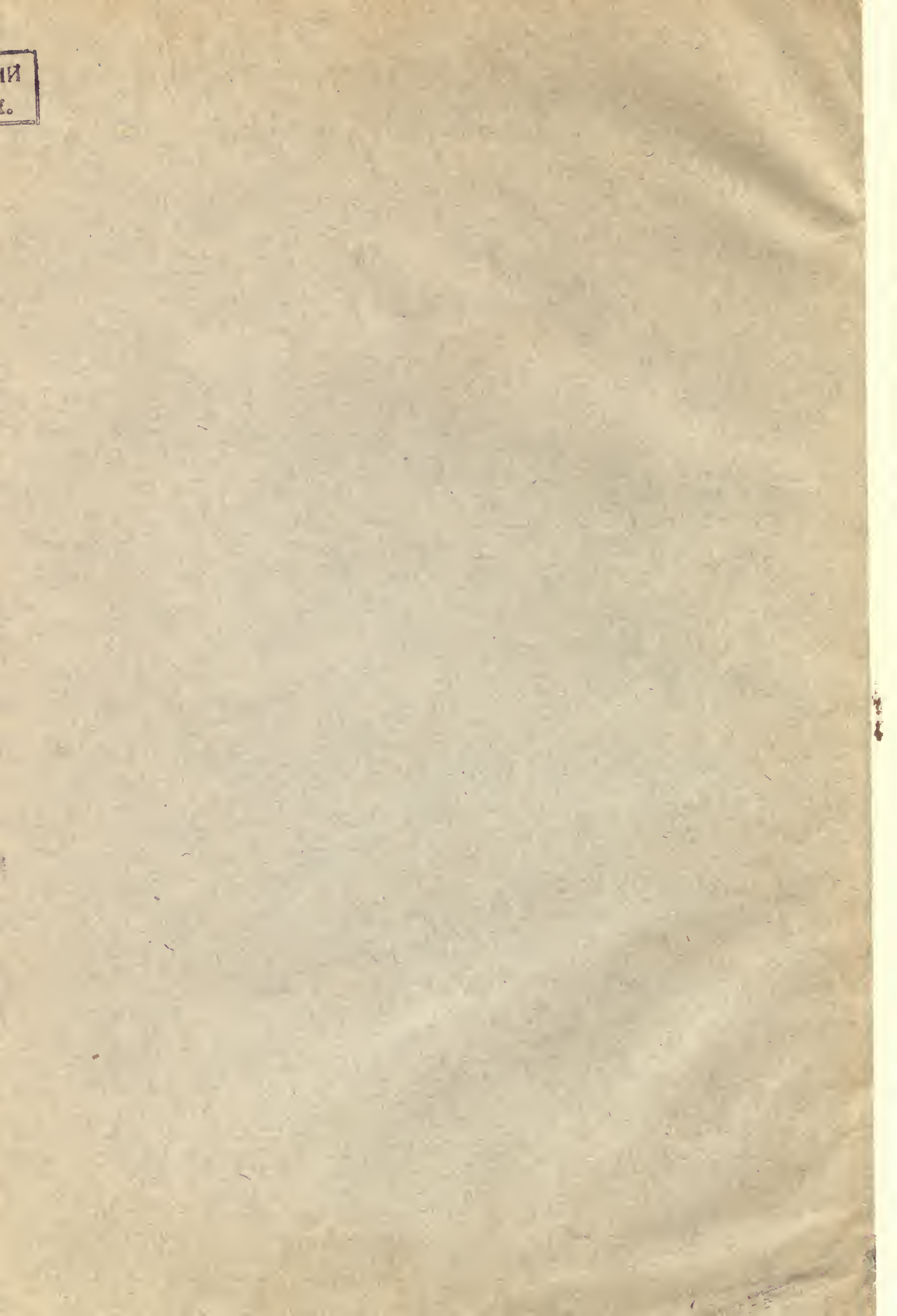
Ив. Машковъ.

1915 года
февраля 21 дня.

15) В. В. Сусловъ, Просвѣтительныя задачи охраны памятниковъ древне-русскаго искусства. С.-Пет., 1912 г.

16) Русское зодчество по преданіямъ народной старины. С.-Петербургъ, 1911 г.

Gaylord
PAMPHLET BINDER
Syracuse, N. Y.
Stockton, Calif.

U. C. BERKEL
C0511